

Пермская университетская школа научной философии *краткий очерк*

Преображенский Г. М.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Тюменский государственный университет,
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 23;
e1525@mail.ru

Прозументик К. В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15;
kprozumentik@mail.ru

Аннотация: В данной статье дается общая характеристика и проводится последовательное описание Пермской философской школы. Деятельность Пермской школы научной философии рассмотрена поэтапно в ее развитии. Описано место школы в системе советского марксизма: ее особенности, задачи и наиболее яркие представители. Передан уникальный понятийный язык рассматриваемой философской школы. Деятельность школы описана исходя из не-колониальной исследовательской установки. Сделана попытка выявить уникальные черты Пермской философской школы, закрепить ее место на философской карте современной отечественной мысли. Задача статьи — продемонстрировать самоценный опыт описания региональной философской школы, без сведения этого опыта к общим обстоятельствам или единым оценочным шкалам. При реконструкции деятельности и раскрытии истории школы выбран метод персонального или биографического описания. Через формирование взглядов лидера школы представлено её становление и ключевые этапы.

Ключевые слова: марксизм, советская философия, материализм, Пермская философская школа, Орлов Владимир Вячеславович, региональная философия, русская философия, научная философия, исторический и диалектический материализм, реалистическая философия.

Так уж сложилось, что российская и русская философия воспринимаются в мире как представительницы региональных дискурсов. В отличие от той же великой русской литературы, которая вписана в мировой контекст как полновесная и самоценная величина. С русской философией такого смещения статуса и такой трансформации пока что не произошло. Русский язык до сих пор не стал (в силу различных социальных и исторических

причин) одним из языков мировой философии. Русский философский дискурс — это преимущественно региональный философский дискурс.

Оставим на время разговор о причинах такого положения отечественной философской мысли. Займёмся частностями.

Немного сузим фокус. Что происходит у нас в последние годы? Мы достаточно неплохо осведомлены о магистральных путях развития пока ещё очень молодой отечественной философии (назовём её для более корректного разговора философией на русском языке). Если мы говорим о Бибахине, Мамардашвили, Ильенкове или Подороге, то перед нами достаточно явный и во многом известный контекст. Они известны, издаваемы, читаемы, на многих повлияли. А самое главное, стали в некотором смысле брендами современной русской философии, в отличие от многих менее заметных фигур, которые, однако, тоже изучаются, вводятся в контекст рассмотрения (например, Давид Зильберман, Владимир Лефевр или Генрих Альтшуллер). Оставляя за скобками хитросплетения амбиций и претензий, можно сказать, что наиболее известными даже в нашем, региональном российском контексте остаются именно столичные философы. Гораздо хуже дело обстоит с известностью и раскрытостью для читающей публики школ сугубо региональных, вращающихся «в себе», скованных либо частным интересом, либо институциональной ситуацией, либо обстоятельствами индивидуального позиционирования самих авторов. Причём, как правило, чем более глобальным становится это самопозиционирование, тем более мелкими и однотипными предстают сами фигуры в этих потоках. Именно поэтому нам так интересны отклонения и частности, поскольку, как нам представляется, теперь уже мы можем взять эти персоналии и эти школы как бы с дистанции, в новом ракурсе интереса, перевести разговор о таких частных философских дискурсах в другой контекст. Чтобы не говорить внутри этих школ и не продолжать философский разговор с их представителями, не втягиваться в полемику с их авторами, а заключить наше рассмотрение в рамку некоторого «археологического» интереса, воспринять своих современников как деятелей параллельного мира. Такой контекст непроницаемого стекла даёт возможность увидеть чёткую сработанность самого механизма, взять философскую школу как объект для изучения. Этот объектный ракурс здесь и правильнее, и честнее, и продуктивнее.

Но помимо археологии, есть ещё и архитектура — определения самой «русскости» этой философии разрастаются в конструкции. Что взять за основу при разговоре о «русскости» русской философии — язык? Но многие русские философы работали за рубежом, прибегали к помощи иностранных языков при написании своих работ. Место или места работы? Тоже не слишком очевидный критерий, поскольку многие авторы, прежде всего деятели русской эмиграции, продолжали активно работать в других странах, и часто с полной уверенностью можно сказать, что русская философия в эмиграции сохранила черты «русскости» русской философии даже более отчётливо, нежели новая советская философия. Взять ли тематику? Тут тоже много вопросов, несмотря на то, что за русской философией устойчиво закрепились некоторые маркеры (прежде всего относящиеся к русской религиозной философии, космизму, марксизму и др.), но чуть ли не более половины виднейших имён русской философии начала XX в. известны именно своими разработками общеевропейских философских тем, ценны именно своими попытками интеграции в мировой философский контекст (вспомним хотя бы Шпета и Яковенко).

Возможно, стоит перейти к мягкой политике в этих определениях и воспользоваться кругами Эйлера для определения «более ортодоксального» или «более либерального» образа русской философии и критериев включения в эту традицию. Так, при строгом сочетании всех перечисленных критериев — тематика, территория, язык — мы получим наиболее строгий образ русского философа; а при более мягком соответствии — образ либеральный. Так или иначе, мы имеем образ философии довольно разноплановый и достаточно подвижный, который определяется историей (главным обстоятельством здесь будет вторжение так называемого советского периода), отчётливой региональностью русской философии — здесь мы так или иначе имеем дело с не сложившейся в рамках русского языка автономной системой философских понятий, лишь отчасти повлиявших на развитие мировой философской традиции; третьим важным обстоятельством в этом разговоре будет современное положение философствующих по-русски, детали их самоопределения в ситуации глобального мира — принятие или непринятие своей русскости, осмысление её, забвение? В этом третьем пункте — наш особенный интерес в этом тексте, именно тут идёт наиболее обострённо политика самоопределения.

В то же самое время меняется и ландшафт мировой философии. Начиная с середины 80-х гг. XX в. карта её многократно переписывается и складывается в сеть причудливых переплетений частных проблематик, междисциплинарности, рассинхроний (когда нет чётко определённого вектора развития, понимания того, что в философии современно, актуально, а что нет, — становится возможным параллельное существование разнонаправленных потоков и проблематик). Доминируют частные случаи, локальные дискурсы и истории, на переднем крае — множественность условий определения актуальности, соседство несводимых проблематик и языков. Такая ситуация умножения частных случаев, как ни странно, рождает новый шанс для русской философии, может послужить новым началом вхождения локальной отечественной проблематики, или хотя бы некоторых проблематик, в русла мировой философской мысли, шанс предложить актуальный философский словарь, вдохнуть в мировую философскую историю интересные контексты и повороты известных сюжетов, заново актуализировать уже пройденные пути, показать новые или забытые персоналии.

В то же время дело даже не в этих призывах и интенциях, обозначающих всё ещё вполне насильственные «вдохнуть», «войти», «вернуться». Гораздо важнее, что эта новая ситуация в философии — одновременная множественность и глобальность — позволяет наконец философствующим по-русски заняться собою, трезво посмотреть на собственные истоки, ресурсы и перспективы, очистить кадр и сконцентрироваться на том, что мы сами делаем, что важно в нашей работе, здраво оценить собственные преимущества и недостатки — позволить себе быть открытыми, без самоуничтожения и самовозвеличивания, без крайностей. Спокойно и прагматично увидеть механизмы, через которые возможно структурирование по всем трём направлениями (их можно было бы изобразить в виде эйлеровских кругов): язык — доформировывание русского языка в качестве языка мировой философии; территории — обратиться к продуктивному соседству и синхронии современных философских школ в России (без колониальности и централизма, на основе принципов горизонтальной координации и взаимности); проблематика — провести ревизию проблематик, в том числе и захватывая советский период, для того, чтобы связать его с тем, что актуально для нас самих, не брать образ философии со стороны и при этом не уходить в маргинальность, коммуницировать с иноязычными философскими традициями, но на собственных основаниях.

Исходя из такой расстановки сил, не стоит ли начать изучение и дальнейшую разработку языка «великой русской философии» (по аналогии с великой русской литературой) с изучения прежде всего региональных философских направлений, которые и многочисленны, и интересны, и самобытны? Не пытаться сгенерировать единый код «русскости», а присмотреться к реальным практикам философствования, уже сложившимся на местах. Начать наконец искать потенциал для развития философии на русском языке в региональных практиках философствования, которые остаются вне поля зрения отечественного мейнстрима.

Столь же важный момент в этом разговоре о региональности связан с ещё более частным (наряду с самой региональностью школ) интересом, и касается он рассмотрения философских персоналий. История философии, насколько она может быть делом самих философов, всегда обращается в частный случай: говорит о том, что нам делать, чего мы сами стоим, зачем мы занимаемся тем, что мы делаем. Представляется любопытным узнать, есть ли у частного случая отдельной жизни оправдание и что, кроме голой фактичности, связывает наше присутствие с реальностью. Насколько обусловленные частным случаем движения интеллекта конвертируются в трансформацию общей повестки. Так поставленные вопросы выводят первоначальное внимание к частности в довольно сложную плоскость интерпретации, позволяют очистить горизонт и от мифов о самих себе, и от ненужной риторики, и от заказного канцелярского слога, и от претенциозности.

Несомненно, за интересом к региональному философскому канону, за раскрытием и выведением на передний план локальных философских историй должно стоять именно такое отношение к частностям, к индивидуальным философским проектам. Мы не станем вести речь о «совершенствах» или «прорывах» в случае обзора этих частных философских историй (какими бы объёмными по протяжённости и количеству участников они не были), мы ничего не пытаемся доказать или опровергнуть, мы говорим о фактичности и смысле, о связи с местом, с языком, с проблемой. Ни в коей мере не исчерпываем предмет, но, как нам представляется, делаем комфортным дальнейшее знакомство с ним.

Цель этой статьи — не только познакомить публику с явлением **Пермской философской школы**, представленным как целостное и обособленное явление, но и облегчить доступ к знакомству с ним. На карте исторических предпочтений русской философии эта школа ещё не так ярко прозвучала, как, скажем, «Московский методологический кружок» или школа Лотмана. Эта цель — облегчить доступ, — на наш взгляд, сразу же столкнётся в нынешних условиях с рядом препятствий. Разбирая эти, по сути, уже архивы отечественной философии, мы либо слишком близко смотрим, либо слишком сильно отстраняемся от рассмотрения. Во втором случае сама риторика Пермской школы поначалу вызывает отторжение из-за обилия канцеляритов и марксистской терминологии — для комфортного чтения придётся преодолеть этот первый приступ ксенофобии. Именно через объектность позволить себе пронаблюдать диковинную вещь, представляющую правило в виде исключения. В первом же случае, напротив, мы слишком близко берём и слишком легко вчитываемся в эту риторику, она нас захватывает, мы начинаем за ней следовать, с ней полемизировать. Но это слишком близкий ракурс, так мы не разглядим сам феномен этой школы. Поэтому нужно держать правильную дистанцию — для того, чтобы не увязнуть в частностях, и для того, чтобы сразу не отстраниться от продолжения знакомства.

С этой целью мы считаем уместным при дальнейшем чтении уделить особенное внимание индивидуальной философской судьбе. В центре нашего изложения так или иначе будет находиться фигура основателя школы — Владимира Орлова. Мы делаем это для того, чтобы подчеркнуть неполноту анализа и чтобы (желая сблизиться в рассмотрении с приёмами русской литературы) принципиальным образом персонализировать изложение. В некотором роде, наш проект содержит обращение к читателям. Читайте не только тексты, читайте судьбу: видеть мотив, постановку задачи, возраст, обусловленность временем. Как ни странно (а для литературного способа подачи вовсе не странно), частная судьба здесь открывает доступ к общим вопросам — что двигает философа вперёд, что соединяет его жизненный проект с реальностью. Как живёт человек, как он обдумывает своё положение, планирует выгоды, мечтает, встраивается, теснит других, держится за своё. Что им руководит при выборе дальнейших поворотов, под властью каких предрассудков движется его воля? Заглянуть в такую частную историю — вот цель и вот достойное упражнение, способное соединить опыт русской философии с опытами русской литературы. Пронаблюдать частный философский проект, не вступая с ним в конфронтацию и не становясь его последователем. Видеть обусловленность, характер, трагизм, смертность — и в то же время восхититься чистотой, искренностью, в каком-то смысле успешностью попытки.

Зафиксировать этот частный философский проект в кругу слов и понятий, которые теперь уже могут быть помечены, как в школьных учебниках, «устар.», видеть, как уходит волна, каким чуждым может быть для нас сейчас тот советский язык. Каким отчуждающим, но и притягательным одновременно. Слова, в которых память времени, магия, за которой десятилетиями следовали безотчётно, границы и обусловленности, которые были до поры невидимыми, как невидимы сейчас для нас наши собственные устаревающие на ходу слова, границы и автоматизмы. Мы о наших собственных так и не узнаем, но мы можем увидеть, как другие речевые автоматы пленяли наших предшественников, играли судьбой других людей, встать в этих отношениях в само-заботливую позицию — как мы сами бываем слепы и невежественны по отношению к себе. Но, с другой стороны, мы увидим и мечту, воображение о Космосе и Вселенной, всё те же в своей основе, что у Гераклита и Платона. Беспокойство по поводу мира, высокую веру в нашу способность повлиять неким усилием мысли на течение мировых событий. Здесь же и вера в универсальный медиум таких изменений — в книгу, в записанный текст, в идею, выброшенную прибоем мысли на её пожелтевшие страницы. И всё-таки, почему, на наш взгляд, стоит преодолевать первоначальное отторжение от вкуса этой пожелтевшей и поистлевшей со временем риторики?

Исток тоталитарности — в усталости от частного: мы быстро устаём от перипетий индивидуальной судьбы, устаём от перечислений, от сходности обстоятельств и, в конце концов, устаём от количества людских судеб. Сколько их, всё тех же, не пора ли прибегнуть к созданию универсального правила, ввести с целью разумности и отдыха в разговор о частностях нотки закона? Закона, по отношению к которому любая частная жизнь будет теперь уже лишь примером. Вот здесь-то и кроется одно из нарушений, происходит одна из очень важных замен. Устав от созерцания такой одинокой частной жизни, следовало бы переключиться на свою, а не на создание закономерности, под которую могут быть подведены сотни тысяч. Справляться с количеством — не наша задача, может быть, это и вовсе не проблема мышления и жизни. Это что касается подчинения количества закону и противоядия от огрубленного видения в случае индивидуального философского проекта.

С другой стороны, почему всё-таки возникает усталость от созерцания индивидуальности и в каких случаях с этим ничего нельзя поделать. Как правило, причина этой усталости коренится в тех обстоятельствах, с которыми мы сами сталкивались многократно. Если человек подолгу описывает вагон метро, то это вызывает уныние, ведь мы многократно видели этот вагон. То же и в отношении индивидуальной философской судьбы — если мы сами многократно сталкивались с ландшафтами «ленинской теории отражения», «диалектического материализма», «научной философии», «основного вопроса» и тому подобных вещей, наш собственный взгляд затёрт, мы по сути дела не видим всю яркость частного интереса и блеск индивидуальной попытки, а видим всё тот же закон, скрытый уже теперь под видом автоматизма. Морок от описания человеческой души снимается только через неожиданные повороты, он нам не наскучит, если в наблюдение заползает странная деталь, возвышенные или наиболее необычные поступки (например, попытка Орлова впрямую дописать Маркса), так или иначе вкрадывающиеся в эти региональные философские проекты. Итак, начнём знакомство.

Пермская философская школа возникла в 60-е годы XX века на базе кафедры философии Пермского государственного университета и, в общем-то, существует до сих пор. Однако есть основания предполагать, что после ухода из жизни её бессменного лидера профессора Владимира Вячеславовича Орлова (1932–2019) школа вступила в завершающую стадию своего существования. Ведь именно идеи Орлова давали главный импульс для развития пермской философии в университете: будучи харизматическим лидером, Орлов являлся автором всех ключевых концептов, разрабатываемых в рамках школы. Помимо Орлова, среди наиболее ярких представителей пермской философской школы стоит упомянуть таких его учеников и последователей, как А. Н. Коблов, Т. С. Васильева, О. А. Барг, И. С. Утробин, Н. Б. Оконская, Л. А. Мусаелян, В. В. Корякин, А. Ю. Внутских, Н. И. Береснева, Ю. В. Лоскутов, Ю. В. Маслянка, Т. Г. Чернова, Н. М. Мехрякова.

Пермская философская школа, безусловно, принадлежит к традиции реалистической философии, если реализм трактовать как общее обозначение для разного рода материалистических философий. Реалистическая философия настаивает на том, что высшей, предельной реальностью является экстраментальное — внешнее и автономное по отношению к любому сознанию или духу бытие. Реалистическая онтология исходит из абсолютной реальности внешнего мира и радикальной вторичности, производности всех остальных форм существования — психических явлений, феноменов сознания, аффектов и т. д. Абсолютная реальность внешнего мира предполагает, что вне его нет и не может быть никаких сторонних принципов, которые бы обосновывали его существование. Это сказывается и на эпистемологии реализма, для которой характерны оптимистический взгляд на познаваемость мира и уверенность в том, что его можно объяснить из него же самого.

Философия в Перми хорошо вписывается в эту традицию. Её основатель профессор Орлов и ключевые представители школы исходили из того, что мир по своей сущности является *«единой объективно-реальной субстанцией»*, что он существует по необходимости и закономерно развивается. Они полагали, что законы бытия и развития мира принципиально постижимы, поскольку человек в силу сущностного родства с материальной субстанцией имеет к ним привилегированный доступ.

По большому счёту, все исследования в Пермской философской школе строились вокруг трёх ключевых тем: 1) материальный мир и его структура; 2) закономерности развития материи; 3) человек, общество, история как наивысший результат развития материального мира. Эти три больших блока задали масштаб для разработки пограничных проблем «частных» наук (физики, химии, биологии, психологии, социологии), а также подтолкнули к изысканиям на путях историософии и политэкономии. Речь идет о таких проблемах и темах, как соотношение форм материи, феномен сложности, природа химического и сущность живого, отбор в природе и обществе, сущность человека и труда, исторический процесс и прогнозирование, посткапитализм и теория стоимости, будущее России и перспективы человечества.

В более чем полувековом развитии Пермской философской школы можно выделить пять основных этапов. Первый этап — становление школы и разработка ключевых идей (1960–1964). Второй — время, когда центральной темой школы становятся, главным образом, пограничные проблемы науки (1964–1974). Третий период — построение целостной философской системы и разработка конкретно-всеобщей теории развития (1974–1991). Четвёртый этап — период поиска новых тем и идей (1991–1999). И, наконец, пятый — время, когда в исследованиях школы начинает преобладать социально-философская проблематика: от политэкономии до историософии (1999–2019).

Единственно адекватная философия. В своей последней книге «Проблема системы категорий философии» (2012) основатель Пермской философской школы Владимир Орлов с горечью отмечает, что теория, которую он и его единомышленники разрабатывали более полувека, до сих пор не получила должного признания в отечественных научных кругах. Речь идёт о *конкретно-всеобщей теории развития* или, иначе, *концепции единого закономерного мирового процесса*. Эта концепция, по убеждению Орлова, является единственно адекватной философской теорией, способной решить самые фундаментальные и сложные проблемы современной науки¹, а потому заслуживает большего внимания и отклика со стороны философского сообщества.

Масштабность притязаний — отличительная черта философского стиля Орлова. На протяжении долгих лет его заветной мечтой было построение современной формы научной², предельно реалистической философии, которая, с одной стороны, раскрывала бы истинную сущность мира и человека, а с другой стороны — предлагала бы общую теоретическую формулу решения пограничных проблем естественных и социальных наук³. Такой «подлинно научной» философией Орлов считал диалектический материализм (марксизм) в его пермской, «постленинской» фазе развития⁴.

---

¹ Орлов В. В. Проблема системы категорий философии: монография / В. В. Орлов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2012. — С. 144.

² Орлов В. В. Эвристический потенциал современной научной философии // Новые идеи в философии. Вып. 11. — Пермь, 2002. — С. 11.

³ Орлов В. В. Предмет, структура и проблемы философской теории пограничных наук // Философия пограничных проблем науки. — 1972. Вып. 5. — С. 7.

⁴ Орлов В. В. Философский манифест: накануне двадцать первого века // Новые идеи в философии. — 1998. Вып. 7. — С. 11.

Ориентация на науку и научность⁵ для пермской философии не является случайной. Своим рождением пермская версия диамата обязана попытке Орлова дать философский ответ на один из пограничных вопросов науки, который занимал советских учёных в середине XX века. Это был вопрос на стыке физиологии и психологии о природе ощущений и нервных процессов, с ними связанных. В своей кандидатской диссертации «Особенности чувственного познания» (1958) Орлов выразил его в характерной форме противоречия: «Нервный процесс двойственен: внутри себя по отношению к субъекту он есть психическое в его непосредственности, внешне же, для наблюдателя — он выступает как физиологический, объективный процесс и лишь опосредованно как психический»⁶.

Два Павлова. Преодолеть пропасть между физиологическим и психическим так, чтобы сохранить относительную суверенность этих регионов бытия, — в этом, пожалуй, состояла основная интенция первых работ Орлова. В реализации своей исследовательской программы конца 50-х — начала 60-х гг. он опирался на два теоретических основания — рефлекторную теорию Ивана Павлова и ленинскую теорию отражения в трактовке Тодора Павлова. Принципы первой позволяли перебросить мост между психикой и мозгом, сознанием и материей⁷, а значит, сохранить консистентность материализма. Основоположения второй давали возможность обосновать известную автономию ощущений и, в конечном счёте, всей психической деятельности по отношению к более простым формам отражения (например, к рефлексу), то есть избежать редукции высшего к низшему⁸. Забегая вперёд, следует сказать, что неустанная борьба Орлова против редукционистских тенденций имела для него решающее значение. Ставкой в этой борьбе было построение особой формы антропоцентризма и утверждение исключительного положения человека во Вселенной.

По всей видимости, Орлов увлёкся теорией отражения ещё в годы учёбы на философском факультете ЛГУ: его исследовательская работа на 4-м курсе была посвящена отражению как всеобщему свойству материи⁹. Важно напомнить, что факультет, где учился Орлов, в 50-е годы возглавлял Василий Тугаринов — человек широких взглядов, видевший в диалектическом материализме философию, открытую для смелых интерпретаций и дальнейшего развития в недогматическом ключе¹⁰. Орлов разделял этот взгляд, восприняв его, вероятно, от самого Тугаринова. Уже в своих первых публичных лекциях он пытался творчески осмыслить как теорию отражения, так и рефлекторную теорию нервных процессов. В одной из таких его лекций, к примеру, рассматривалась проблема сна и сновидений в свете теории И. П. Павлова¹¹.

---

⁵ См.: Орлов В. В. XXI век и проблема научности философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2010. № 1 (1). — С. 4–13.

⁶ Орлов В. В. Особенности чувственного познания [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / ЛГУ. — Л., 1958. — С. 13 // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.

⁷ Орлов В. В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. — С. 79.

⁸ Орлов В. В. Особенности чувственного познания. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1962. — С. 40.

⁹ Копия почётной грамоты Орлову В. В. за работу «Об отражении как свойстве материи» (1953–1954) // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.

¹⁰ Гордиенко Н. С. Памяти В. П. Тугаринова // Тугариновские чтения. Вып. 1 / Материалы научной сессии. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. — С. 21–22.

¹¹ Копия удостоверения лектора лекционного бюро Новгородского областного управления культуры (1955) // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.

I. Становление школы (1960–1964)

Начало пермского периода. Орлов приехал в Пермь в 1957 году. К этому времени он уже успел поработать в качестве преподавателя лекционного бюро Новгородского областного управления культуры. С 1957 по 1960 г. Орлов преподавал сначала в Пермском мединституте, а затем — в Пермской высшей партийной школе¹². Успешная защита кандидатской диссертации в ЛГУ (1958) позволила ему претендовать на должность доцента на кафедре философии Пермского государственного университета, которую он получил в 1960 году¹³.

На тот момент кафедра философии в университете существовала уже десять лет. Её первый руководитель Василий Букановский занимался, главным образом, философскими проблемами естествознания¹⁴. В том же 1960 году он, уже оставив должность заведующего (его место занял Алексей Щеглов), выпустил монографию, где представил оригинальный принцип классификации конкретных наук на основе взаимосвязи «предметных форм или видов материи в последовательности от низшего к высшему, от простого к сложному»¹⁵. Это исследование стало своеобразным итогом его многолетней работы. Идеи Букановского, однако, не получили дальнейшего развития, поскольку Орлов молниеносно перехватил инициативу в этой области, предложив собственную концепцию соотношения низших и высших форм материи и тем самым более радикально, чем Букановский, поставив вопрос об онтологических основаниях классификации научного знания.

Диковинная и загадочная связь. Основные положения этой концепции Орлов представил в своей первой монографии «Диалектический материализм и психофизиологическая проблема», которая так же, как и книга Букановского, вышла в 1960 году. По всей видимости, она и положила начало философской школе Пермского университета¹⁶. Тот самый вопрос о природе ощущений и нервных процессов, о котором уже шла речь, был теперь помещён в контекст более широкой проблемы соотношения психической и мозговой деятельности. Во взаимосвязи психики и мозга, как писал Орлов, «ещё много диковинного и загадочного (в научном, материалистическом смысле этого слова)»¹⁷. Такая любопытная оговорка — свидетельство, быть может, неосознанных опасений Орлова, что его решение психофизиологической проблемы истолкуют как дуалистическое или даже мистическое. Впоследствии эти опасения отчасти оправдались.

По Орлову, исходным пунктом для верной интерпретации связи психики и мозга является признание истинности павловской формулы: физиологическое есть *основа* психического. Данное положение «полностью соотнобразует с диалектико-материалистической концепцией развития и связанным с этой концепцией пониманием соотношения высших и низших

---

¹² Автобиография В. В. Орлова. Печатный экземпляр // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

¹³ Профессора Пермского государственного университета. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. — С. 229.

¹⁴ Пермский государственный университет имени А. М. Горького: исторический очерк (1916–1966). — Пермь: Пермское книжное издательство, 1966. — С. 250.

¹⁵ Букановский В. М. Принципы и основные черты классификации современного естествознания. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. — С. 53.

¹⁶ Орлов В. В. Пермской университетской школе научной философии — 50 лет // Новые идеи в философии. — 2010. Т. 1. Вып. 19. — С. 5.

¹⁷ Орлов В. В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. — С. 168.

форм материи и исследующих их смежных наук»¹⁸. Под диалектико-материалистической концепцией развития Орлов имел в виду, прежде всего, свой собственный строй идей. Он настолько тесно ассоциировал их с диалектическим материализмом вообще, что часто позволял себе говорить от его лица.

Низшее и высшее. Итак, если физиологическое — это основа психического, то, согласно Орлову, их связь следует рассматривать как отношение низшего и высшего. Это отношение имеет сложный, противоречивый и многоплановый характер. Во-первых, высшие, более сложные и совершенные формы материи суть закономерное продолжение низших. Отсюда следует генеральный тезис ранней орловской онтологии о том, что мир существует как «единая непрерывная линия развития»¹⁹. Поскольку Вселенная — это единый континуум, все формы материи связаны узами родства. Однако это родство качественно различных ступеней, так как высшее обладает важнейшим признаком *новизны*. Порождение нового — результат заложенной в материи неуничтожимой способности к развитию.

Второй важный аспект развития заключается в том, что новое не отменяет старое, низшая форма не исчезает и не отбрасывается, а включается в высшую: богатство высшего развёртывается на базе специфической разновидности, «ответвления» низшего класса явлений. Таким образом, высшее в известной мере зависит от своего фундамента, так как он задаёт *общие пределы* его развития. С другой стороны, высшее не идёт на поводу у низшего; оно обладает собственными закономерностями, в которых зависимость от низшего не действует напрямую, а преломляется особым образом. Существовая в контексте высшей формы, низшая не теряет своей специфики и не приостанавливает действия своих законов. Тем не менее, она попадает в *обратную зависимость* от более сложного и совершенного высшего. Высшее, стало быть, есть сложный комплекс собственно высшего и включённого в него низшего.

Этажное расположение. Вся эта диалектика нужна была Орлову для того, чтобы показать, как она работает применительно к психофизиологической проблеме. По его мысли, психическая деятельность возникает на базе отражательной способности живых существ, которая в свою очередь является результатом развития отражения как всеобщего свойства материи. В этом пункте Орлов как раз и воспользовался наработками Тодора Павлова, который детально описал явление отражения в его «этажном» расположении²⁰ — от неорганических форм до человеческо-сознательных. Вместе с тем это позволило Орлову определить отражение как универсальную способность материальных объектов воспроизводить особенности внешнего воздействия. Будучи *внутренней* стороной всякого реагирования, отражение «претерпевает глубокие изменения на различных уровнях развития материи»²¹. Иными словами, *имманентная* сторона взаимодействия вещей в конечном итоге развивается в психическую деятельность человека.

---

¹⁸ Орлов В. В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. — С. 168.

¹⁹ Там же. С. 169.

²⁰ Павлов Т. Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма / Пер. с болгар. Ф. И. Георгиева и А. И. Рубина. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. — С. 37.

²¹ Орлов В. В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. — С. 113.

Таким образом, психическое обретает своё место в цепи эволюции отражения. Тем не менее, оно качественно отличается от всех нижележащих форм. Стало быть, оно не тождественно физиологическим процессам в мозге; более того, оно способно их себе *подчинять*. Орлов хорошо понимал, что последний тезис мог быть воспринят как уступка идеализму. Поскольку он искренне полагал, что «идеализм — это раковая опухоль науки»²², его задачей было найти филигранный выход из затруднительного положения и тем самым отвести от себя всевозможные подозрения. Он начал с того, что провёл тонкое различие между двумя типами отношений — 1) отношением психического и физиологического и 2) отношением психического и мозга. Первое, по его мысли, есть процессуальное или функциональное отношение, то есть отношение между высшей и низшей функцией мозга; второе — это отношение между свойством и материальным органом-носителем. Говорить о субординации высшего и низшего можно только применительно к функциям мозга. Психическое не в силах подчинять себе мозг, но способно оказывать влияние на его низшую функцию — нервный процесс. «Психическое и физиологическое суть две *функции* мозга и поэтому, выясняя их взаимоотношение, мы связываем психическое не с материальным *органом*, а с материальной *функцией* этого органа... Материализм состоит не столько в том, чтобы выводить одну функцию из другой, сколько в том, чтобы связывать психику (включая и сознание — её высшую форму) с материальным органом»²³.

Но если материализм не выводит высшую функцию мозга из низшей, как он тогда объясняет их действительную связь? Ответ, который предложил Орлов, имел судьбоносное значение для Пермской философской школы. С его точки зрения, мозг и психика обладают равной степенью сложности: они суть самое высшее и совершенное из всего, что вообще есть в этом мире. Однако мозг как сложнейший материальный орган удерживает в себе и все низшие функции отражения, в том числе и ближайшее к психике низшее — нервный процесс. В двойственности функционирования мозг словно повторяет историю своего возникновения. «Психическое с его физиологической основой представляет собой как бы свёрнутую спираль, воспроизводящую генезис психической деятельности»²⁴.

В образе спирали фиксируется противоречивое единство высшего и низшего. Другими словами, здесь схватывается как существенное различие между ними, так и некоторая повторяемость, сходство, родство их структуры и элементов. Так, физиологическим коррелятом психического феномена ассоциации является условный рефлекс, мыслительного обобщения — генерализация условной связи, темперамента — тип высшей нервной деятельности и т. д. Кажется, будто высшее копирует, повторяет, следует по пятам низшего.

Встреча с двойником? Правда, в этом повторении и копировании нет однозначного соответствия: «Характер, без сомнения, имеет свою физиологическую основу, но в физиологической деятельности нет специального “прообраза” характера, его двойника»²⁵. Примечательно, что в более поздних трудах Орлова, когда речь зайдёт о коррелятах высшего в низ-

²² Орлов В. В. Материализм как метод познания и практической деятельности // Вопросы теории познания. Сборник статей. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1961. — С. 14.

²³ Орлов В. В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. — С. 113.

²⁴ Там же. С. 178.

²⁵ Там же. С. 177.

шем, отвергнутый «двойник» вновь заявит о себе и даже обретёт имя. Пока же Орлов ограничился указанием на наличие структурного сходства между уровнями, что дало ему возможность с новой силой поставить вопрос о генерации *субъективного*: как качественно однородная информация, получаемая большими полушариями головного мозга от периферических нервных окончаний, превращается в качественно различные образы, которые составляют содержание нашего внутреннего мира? Необходимо заметить, что противоречие, фиксируемое в данном вопросе, Орлов впоследствии стал называть *психофизиологическим парадоксом*²⁶. Каким же было первичное решение этого парадокса?

Тайное родство. Уже имея в арсенале идею двойственности функций мозга, Орлов предложил рассматривать физиологический процесс как посредника между миром внешних вещей и производящей идеальные образы психикой. Для Орлова было важно, что психический акт сохраняет образное сходство с внешним предметом, чего нельзя сказать о физиологическом посреднике. Нервный процесс не содержит никакого идеального образа, который словно в некоем физико-химическом «футляре»²⁷ контрабандой передавался бы в мозг. Однако «он имеет опосредованное *внутреннее родство* с внешним воздействием, определенным образом соответствует (по интенсивности, частоте) внешнему воздействию и поэтому несет в себе информацию о внешнем предмете»²⁸. Эта информация шифруется нервными окончаниями, превращаясь в однородный нервный импульс, а затем декодируется высшей функцией мозга, который сформировался длительной эволюцией так, чтобы верно отображать разнообразие качества внешних вещей.

У Орлова получился, если так можно выразиться, своеобразный материалистический трансцендентализм: согласно ему, сама материальная природа человека — это условие истинности как чувственного опыта, так и человеческого познания вообще. Весьма характерно, что на вопрос, как правила истинной расшифровки кода попадают в человеческий мозг, Орлов так и не ответил, сославшись на то, что «природа такой передачи информации пока не раскрыта»²⁹. Тем не менее, мысль, что материя каким-то особым образом, по-родственному «подарила» человеку ключ к истине, во многом предопределила дальнейшую судьбу Пермской философской школы. Вся проводимая в ее рамках исследовательская деятельность, в том числе разработка пограничных проблем науки, фактически была вызвана желанием обосновать *сущностное родство* человека и материального мира.

Пермский дуалист. В 1962 году Орлов выпустил расширенную версию своей кандидатской диссертации в виде одноименной книги³⁰. Тогда же ему выпал случай представить свою позицию по психофизиологической проблеме на уровне страны. Речь идет о Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии (май 1962 г.), которое проходило в Москве. В своём докладе Орлов решительно выступил против экспансии физиологов в психологическую сферу. Он упирал на то, что

---

²⁶ Орлов В. В. О познавательной роли ощущений // Философские науки. — 1964. № 3. — С. 133, 135.

²⁷ Орлов В. В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. — С. 137.

²⁸ Там же. С. 191.

²⁹ Там же.

³⁰ Орлов В. В. Особенности чувственного познания. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1962. — 220 с.

у психологии есть собственный неприкосновенный предмет — психика, то есть *идеальная* деятельность материального мозга, порождающая духовную жизнь³¹. В распоряжении у физиологов остаётся рефлекторная деятельность — важная, но онтологически низшая функция мозга.

Таким образом, в споре между физиологами и психологами Орлов занял наиболее радикальную позицию на стороне психологов. По итогам совещания выяснилось, что на одном конце широкого спектра мнений по проблеме сознания оказались «взгляды Ф. Ф. Кальсина, которые характеризовались его критиками как “вульгарный материализм”, а на другом — взгляды В. В. Орлова, которые, как можно легко догадаться, характеризовались как “дуализм”»³². Весьма вероятно, что именно с совещания 1962 года за Орловым начала закрепляться репутация неординарного марксистского философа из Перми.

II. Первые последователи. Пограничные проблемы науки (1964–1974)

В 1964 году Орлов возглавил кафедру философии Пермского университета, сменив на этой должности Алексея Щеглова. С относительно небольшим перерывом он будет руководить ею до 2016 года. Предполагал ли это молодой заведующий, когда, поздравляя студентов и коллег с наступающим 65-м годом, он рассуждал о том, что будет с кафедрой философии на рубеже столетий? «В 2000 году, мне кажется, — мечтал Орлов на страницах университетской газеты, — студенты не будут путать метафизику с идеализмом, а кафедра философии сможет публиковать хотя бы 50% статей и монографий, которые ей удаётся подготовить»³³.

Всеобщий субстрат. Первая половина 60-х была для Орлова временем упорной работы над докторской диссертацией. Свою главную задачу на данном этапе он видел в том, чтобы рассмотреть психофизиологическую проблему в контексте идеи развития и тем самым открыть более широкие перспективы для её философской разработки. В статье «О познавательной роли ощущений» (1964), как представляется, он сделал для этого важный подготовительный шаг, а именно высказал мысль об универсальном и всеобщесинтетическом характере мозгового субстрата. Согласно Орлову, человеческий мозг потому лишь способен продуцировать идеальные образы, адекватные внешним вещам, что он «представляет собой всеобщий субстрат, в котором синтезировано основное содержание важнейших ступеней развития материи и который поэтому находится в глубоком внутреннем родстве со всеми материальными образованиями»³⁴. По словам Орлова, образы, производимые мозгом, — это не знаки вещей и не врождённые идеи, а «развёртка» нервных сигналов. Она возможна только потому, что человеческий мозг в «свёрнутом», обобщённом, синтезированном виде содержит в себе всю материю. Так, благодаря идее материального синтеза, идея родства мозга и мирового целого приобрела в конечном итоге большую рельефность.

В 1965 году в ЛГУ Орлов защищает докторскую диссертацию на тему «Мозг и психика. Психофизиологическая проблема и её современное решение», став первым в Перми док-

³¹ Орлов В. В. Соотношение психического и физиологического // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии: Материалы совещания / Под ред. акад. П. Н. Федосеева и др. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — С. 647.

³² Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. — М.: Политиздат, 1991. — С. 201.

³³ Пермский университет. — 1964. — № 41 (466). С. 1.

³⁴ Орлов В. В. О познавательной роли ощущений // Философские науки. — 1964. № 3. — С. 136.

тором философии и одним из самых молодых докторов наук в Советском Союзе³⁵. Главная цель работы была обозначена как «разработка формулы связи психического и физиологического»³⁶. Таким образом, вторая диссертация Орлова, с одной стороны, подводила итог многолетним исследованиям отражения, чувственности, психики и мозга. С другой стороны, она открывала новую страницу в истории пермской философии, поскольку в ней впервые стали фигурировать такие понятия, как «формула основ»³⁷ и «тенева система»³⁸.

Пирамидальная картина и формула основ. В 1966 году докторская диссертация Орлова вышла отдельной книгой под названием «Психофизиологическая проблема: философский очерк», которая вызвала определённый интерес в научном сообществе³⁹. Принципиальным новшеством этой книги (диссертации) стала конкретизация диалектики низшего и высшего через введение так называемой *формулы (концепции) основ*. Эта формула акцентирует внимание на двух планах низшего уровня как основания для высшего: во-первых, высшее *генетически* связано с низшим, поскольку возникает из него; во-вторых, высшее *актуально*, то есть в каждый момент своего бытия зависит от низшего, так как постоянно опирается на него как на свой фундамент. Высшее, однако, не просто фундировано в низшем: оно парадоксальным образом модифицирует свою опору, втягивая её в зону своего влияния. Следует сказать, что именно включённое в состав высшего низшее представляло тогда для Орлова особый философский интерес.

Важно заметить, что Орлов придерживался традиционной энгельсовской классификации форм материи, внося в неё лишь одну поправку. Механическую и, собственно, физическую формы он рассматривал вместе, в силу чего у него получалось четыре формы (ступени) развития материи — физическая, химическая, биологическая и социальная⁴⁰. «Сохраняя в себе предшествующие ступени развития, каждая высшая форма материи получает... сложную, “послойную” структуру; в ней резюмируются основные этапы развития материи»⁴¹. Любопытно, что для описания уровневой организации материи Орлов также использовал выражение «пирамидальная картина». Эта метафора В. И. Свидерского⁴², по всей видимости, оказала на него сильное влияние, поскольку образ пирамиды впоследствии будет часто фигурировать в его трудах в качестве ключевой визуализации процесса развития.

Возвращение двойника. Представление о пирамидальной, послойной структуре материального мира, где высшая форма включает в себя всю иерархию низших форм, закономерно подталкивало к вопросу об онтологическом статусе и природе *включённого низшего*, то есть *основы*. Орлов полагал, что низшее в составе высшего полностью сохраняет свою при-

---

³⁵ Мусаелян Л. А. Памяти ученого // Новые идеи в философии. — 2020. № 7 (28). — С. 4–5.

³⁶ Орлов В. В. Мозг и психика. Психофизиологическая проблема и её современное решение [Текст]: автореф. дис. на соиск. учён. степ. д-ра филос. наук / ЛГУ. — Л., 1965. — С. 3 // Архив кафедры философии ПГНИУ.

³⁷ Орлов В. В. Мозг и психика. Психофизиологическая проблема и её современное решение [Текст]: диссертация на соиск. учён. степ. д-ра филос. наук / ЛГУ. — Л., 1965. — С. 399 // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

³⁸ Там же. С. 470 // Там же. С. 78.

³⁹ Георгиев Ф. И., Фролова О. Ф. Психическое и физиологическое // Философские науки. — 1967. № 1. — С. 138–140.

⁴⁰ Орлов В. В. Психофизиологическая проблема: философский очерк. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. — С. 212–213.

⁴¹ Там же. С. 215.

⁴² Свидерский В. И. Противоречивость движения и ее проявления. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. — С. 16.

роду, однако в контексте высшего оно реализует свои потенции в гораздо большей степени, чем в свободном состоянии. Так, химические связи углерода в составе живого организма на порядок многообразнее и сложнее, чем вне его. Важно подчеркнуть, что, по Орлову, высшее возникает не на базе самого сложного низшего, а на основе его *оптимально* развитой, гибкой, пластичной разновидности. «Переусложнение», «переразвитость», а значит и чрезмерная специализация, — всё это закрывает возможности для включения низшего в состав высшей формы⁴³.

Вместе с высшей формой материи возникают и более развитые законы её функционирования, которые не дезавуируют, но диалектически снимают действие законов низшего уровня. Это снятие заключается в том, что высшие законы сохраняют положительное содержание низших, оставаясь в известной степени независимыми от них. «Фигурально выражаясь, — писал Орлов, — объекты высшего порядка не могут подчиняться законам низшего порядка просто потому, что они “не понимают языка” этих законов»⁴⁴. Орлов заметил, что гетерогенность законов функционирования высшего и низшего теснейшим образом связана с различием их структуры, стало быть, и элементов. Как в таком случае мыслить актуальную и генетическую связь между уровнями, если их структура, элементы и законы качественно разнятся?

Выход Орлов видел в углублении концепта «включённого низшего» посредством структурного анализа. Каждый элемент высшего уровня, как рассуждал Орлов, должен содержать в качестве своей основы совокупность элементов низшего уровня. Если принять, что E — это множество элементов низшего уровня, а F — множество элементов высшего, то элементами, входящими в E , будут a, b, c , а элементами, составляющими F , — A, B, C, D , которые образованы из a, b, c . В этом случае сложный элемент A будет состоять из простых a и b ; элемент B — из a и c ; элемент C — из b и c ; и, наконец, элемент D — из a, b и c . Между множеством E и множеством F нет однозначного соответствия, однако они *изоморфны*. Факт изоморфизма становится особенно зримым, если принять во внимание, что, помимо указанных множеств, существует также промежуточное множество E' , образованное группами элементов ab, ac, bc и abc . Уникальное сочетание элементов низшего уровня создаёт набор неповторимых *индивидуальных основ* для элементов высшего. Другими словами, множество-посредник E' — это своего рода «система-двойник»⁴⁵ множества F , поскольку она представляет собой совокупность индивидуальных основ, *эквивалентных* элементам высшего уровня. Так, элемент ab из множества E' является индивидуальной основой для элемента A из множества F и т. д., и так далее⁴⁶.

Матрица и царство теней. Поэтому Орлов был убеждён, что в любом сложном целом «имеется система (с определённой структурой), специфичная для данного уровня развития материи, и “тневая” система (подсистема), составленная эквивалентами высшего на низшем уровне»⁴⁷. Между тем, тневая система не тождественна высшему. Всё ещё оставаясь

⁴³ Орлов В. В. Психофизиологическая проблема: философский очерк. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. — С. 243.

⁴⁴ Там же. С. 248.

⁴⁵ Там же. С. 268.

⁴⁶ Там же. С. 262–263.

⁴⁷ Там же. С. 243.

в пределах низшего, она лишь повторяет, копирует его. Однако удивительным образом это копирование на уровне системы-двойника организуется и направляется в соответствии с «потребностями» и функциями высшей системы⁴⁸, что и создаёт предпосылку для того, чтобы высшее в конечном счёте могло детерминировать низшее. Поэтому, будучи двойником высшей структуры, низшая структура одновременно выступает «как бы *шаблоном*, или *матрицей*, по которой создаётся высшая структура или система»⁴⁹.

Орлов полагал, что обнаружение теневой системы имеет принципиально важное методологическое значение для решения пограничных проблем науки. Изучение низшего, считал он, даёт более глубокое понимание природы высшего. К примеру, включённое низшее можно рассматривать в качестве *индикатора*, а значит, и в качестве средства изучения высших процессов. Эвристическим ценным является также возможность раскрытия сущности высших явлений в терминах «низшей» науки. Вместе с тем Орлов настаивал на том, что полное объяснение того или иного явления доступно, главным образом, наукам высшего уровня, так как они схватывают собственно высшее в его качественной определённости. Благодаря этому идея о суверенности психологии получила своё онтологическое обоснование. Психологическая наука, по мысли Орлова, должна рассматривать мозг в его высшем выражении, то есть как орган сознания, производящий идеальное содержание. Язык же физиологии, который ни в коем случае нельзя игнорировать, всё же является языком простого, *ещё-не-мыслящего* мозга. Поэтому, по Орлову, завершённое описание мозга должно совмещать в себе оба словаря — и физиологический, и психологический. При этом психологам в своих исследованиях необходимо учитывать работу теневой системы, а именно таких функциональных объединений клеток мозга, которые эквивалентны сугубо психическим процессам, а потому сложнее чисто физиологических архитектур⁵⁰. Таким образом, «концепция “основ”, — резюмировал Орлов, — представляет собой один из исходных принципов решения пограничных проблем современной науки, в том числе психофизиологической проблемы»⁵¹.

Можно сказать, что к 1965 году у Орлова уже сложилась общая концептуальная схема (формула) решения пограничных проблем науки. Более того, на примере психофизиологической проблемы ему удалось показать, как она работает. Всё это создавало определённые лекала для будущих исследований в рамках философской школы. После защиты докторской диссертации и получения аттестата профессора (1967)⁵² у Орлова появились все инструменты для формирования вокруг себя группы учеников и последователей. Уже в эти годы он начал практику приглашения выпускников естественно-научных факультетов в философскую аспирантуру: для развития концепции основ требовались философствующие физики, химики и биологи. Немаловажным было и то, что коллектив кафедры философии достаточно быстро поддержал начинания Орлова и подключился к разработке его идей. Как отмечал Г. С. Григорьев, «с 1965 г. основной темой научной работы кафедры становится соотношение пограничных (фундаментальных) наук (физики, химии, биологии, социологии). Разработка этой темы была начата проф. В. В. Орловым в 1960 г., а с 1965 г. она является ком-

---

⁴⁸ Орлов В. В. Психофизиологическая проблема: философский очерк. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. — С. 254.

⁴⁹ Там же. С. 267.

⁵⁰ Там же. С. 429–430.

⁵¹ Там же. С. 284.

⁵² Копия аттестата профессора по кафедре философии (23 июля 1967 г.) // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

плексной кафедральной темой, над которой под руководством В. В. Орлова работает большинство сотрудников и аспирантов кафедры»⁵³.

Философы на границе. По всей видимости, первыми учениками и аспирантами Орлова были Валерий Нецветаев, Александр Коблов и Геннадий Краснов. Нецветаев разрабатывал философские проблемы биологии, Коблов занимался философией физики, а Краснов отвечал за проблематику на стыке биологии и социальных наук. В 1966 году Орлов и Нецветаев опубликовали совместную статью, посвящённую процессам дифференциации и интеграции в развитии живых организмов⁵⁴. Быть может, именно эту статью стоит признать самой ранней работой, выполненной в рамках зарождающейся школы⁵⁵.

Уже через год под редакцией Орлова вышел первый выпуск сборника статей, который получил программное название «Философия пограничных проблем науки» (1967); всего таких выпусков было опубликовано восемь. Сборник 1967 года открывала большая статья Орлова, в которой логика соотношения высших и низших форм материи впервые была обозначена как *концепция уровней*⁵⁶. Помимо этого, статья примечательна тем, что в ней появились две схемы, иллюстрирующие процесс развития. Первая визуализация — «древо», где развитие представлено в виде восходящей от низшего к высшему магистрали и «ветвей», изображающих включённое и невключённое низшее. Вторая визуализация — «пирамида», где формы материи расположены поэтапно и где каждый более высокий уровень организации материи отбрасывает тень-проекцию на нижележащие уровни.

В этой же статье впервые был сформулирован и так называемый *парадокс развития*. Суть его, по Орлову, заключается в следующем: все своё содержание высшее берет из низшего; откуда же тогда в высшем появляется приращение сложности, если его не было в низшем?⁵⁷ Чтобы не прибегать к потусторонним (духовным) агентам для объяснения возникновения дополнительной сложности, Орлов предложил признать в самой материи наличие *всеобщей потенциальной способности* порождать высшее. Эта априорная способность материи «должна быть принята как фундаментальный общий факт, не выводимый далее из каких-либо других, более широких свойств материи»⁵⁸.

Нельзя не сказать, что в том же сборнике 1967 года была опубликована статья В. А. Нецветаева, где он предпринял попытку воспользоваться идеей матричного конструирования и изоморфизма систем-двойников для раскрытия взаимосвязи между клеткой-зиготой и организмом⁵⁹. Чуть позднее то же самое стремился осуществить Г. С. Краснов

⁵³ Григорьев Г. С. Кафедра философии (1950–1976) [Машинописный текст]. — Пермь, 1976. — С. 8–9. // Архив кафедры философии ПГНИУ.

⁵⁴ Нецветаев В. А., Орлов В. В. Дифференциация и интеграция в развитии живых организмов // Ученые записки Пермского гос. ун-та, № 152. Философия. — Пермь, 1966. — С. 3–27.

⁵⁵ Труды учёных Пермского университета (1916–2015 гг.). Философско-социологический факультет [Электронный ресурс]: библиогр. указатель / Сост. Е. С. Игнатова, И. К. Трубина. — Пермь: ПГНИУ, 2016. — С. 9.

⁵⁶ Орлов В. В. О логике соотношения высших и низших ступеней развития материи (концепция «уровней») // Философия пограничных проблем науки. — 1967. Вып. 1. — С. 8.

⁵⁷ Там же. С. 36.

⁵⁸ Там же. С. 37.

⁵⁹ Нецветаев В. А. Концепция уровней и проблема организации живого // Философия пограничных проблем науки. — 1967. Вып. 1. — С. 115–116.

(совместно с Орловым) применительно к биологическому фундаменту социального прогресса⁶⁰ и А. Н. Коблов в отношении физических оснований живого⁶¹.

Динозавры и кванты живого. Среди первых учеников Орлова Александр Коблов был, пожалуй, самым ярким и одарённым. Весьма показателен тот факт, что Орлов, обсуждая возможные пути преодоления парадокса теневой системы (одного из проявлений парадокса развития), был вынужден признать решение Коблова более интересным и непротиворечивым, чем своё собственное. Орлов тогда выдвигал гипотезу «дрейфа» высшего по отношению к низшему⁶²; его ученик настаивал на идее актуализации потенциального содержания низшего в высшем⁶³. К важным новациям Коблова необходимо отнести проект биофизики как науки, которая должна развиваться «путём выявления биологической “квантованности”, дифференцированности физической основы живого, поиска “квантов” (минимальных порций, элементов физического, имеющих биологическое значение), их взаимодействия и взаимосвязи, т. е. путём описания и объяснения теневого физического уровня... живого»⁶⁴. Интересной также представляется гипотеза Коблова о том, что в истории развития живых организмов имеют место *биофизические кризисы*, один из которых, к примеру, привёл к вымиранию динозавров⁶⁵. Следует заметить, что Коблов проработал на кафедре философии вплоть до 1994 года. Его основные научные достижения обобщены в докторской диссертации и одноимённой монографии⁶⁶.

В числе тех, кто сочувствовал «концепции уровней», следует особо отметить двух учёных — Герасима Григорьева и Наталью Оконскую. Они стали работать на кафедре философии ещё до прихода Орлова в университет. Григорьев изучал место трудовой деятельности в системе человеческих потребностей⁶⁷, а Оконская занималась вопросами гносеологии, дидактики и марксистской теории воспитания⁶⁸. В последующем влияние идей Орлова на Григорьева станет весьма заметным, но отнюдь не тотальным⁶⁹. Что касается научной деятельности Оконской, то она будет разворачиваться исключительно в русле «концепции уровней». Оконская внесла значительный вклад в разработку проблемы соотношения социального

---

⁶⁰ Краснов Г. С., Орлов В. В. Биология и социальный прогресс // Философия пограничных проблем науки. — 1972. Вып. 5. — С. 115–152.

⁶¹ Коблов А. Н. Соотношение физической и биологической форм материи в молекулярно-кинетическом аспекте // Философия пограничных проблем науки. — 1970. Вып. 3. — С. 141–159.

⁶² Орлов В. В. Парадокс теневой системы // Философия пограничных проблем науки. — 1970. Вып. 4. — С. 28–29.

⁶³ Коблов А. Н. Парадокс развития и марксистская концепция уровней // Философия пограничных проблем науки. — 1968. Вып. 2. — С. 18.

⁶⁴ Коблов А. Н. О соотношении физической и биологической форм материи [Машинописный текст]: диссертация на соиск. учён. степ. канд. филос. наук / ПГУ. — Пермь, 1970. — С. 208 // Архив кафедры философии ПГНИУ.

⁶⁵ Коблов А. Н. О статусе и некоторых перспективах развития биофизики // Философия пограничных проблем науки. — 1972. Вып. 5. — С. 51–52.

⁶⁶ Коблов А. Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 206 с.

⁶⁷ Григорьев Г. С. Труд — первая человеческая потребность: диалектика процесса труда. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1965. — 160 с.

⁶⁸ Оконская Н. Б. О сущности и особенностях коммунистического воспитания // Учёные записки Пермского гос. ун-та, № 124. Философия. — Пермь, 1964. — С. 3–10.

⁶⁹ Григорьев Г. С. Природа как естественная основа социального (о «человеческой сущности» природы) // Философия пограничных проблем науки. — 1970. Вып. 3. — С. 186.

и биологического в человеческой истории. Опираясь на идею Орлова и Краснова о существовании феномена *социально-биологических кризисов*⁷⁰, она в своих трудах фактически реализовала программу построения социальной биологии как особого рода системы знаний⁷¹. Согласно Оконской, один из ключевых вопросов социальной биологии — это «вопрос об «индексе корреляции»... между биологическим и социальным в историческом процессе»⁷². Чтобы установить этот индекс, Оконская предложила рассмотреть историю человечества с её *теневой* стороны, то есть через призму захваченной историческим процессом человеческой биологии («включённое низшее»). В свете этого она осуществила детальный анализ так называемых *социально-биологических формаций* — ступеней биологического развития людей, коррелирующих с основными этапами их собственно социальной истории⁷³.

Столичные критики. Первая половина 70-х стала для Орлова временем бурных дискуссий и споров, которые в 1974 году переросли, по словам Лорена Грэхэма, «в острый конфликт между представителями онтологов и эпистемологов»⁷⁴. Поводом для первой волны дискуссии стала статья Орлова, опубликованная на страницах журнала «Философские науки» в 1969 году. Статья называлась «Пограничные науки и марксистская концепция уровней». В ней Орлов представил широкой публике разработанную им общую формулу соотношения высших и низших ступеней эволюции материи, а также изложил парадокс развития и собственную версию его решения. Там же он открыто высказывает мысль о закономерном характере появления человека во Вселенной и особом онтологическом статусе социальной формы материи. По мысли Орлова, такое привилегированное положение человека связано с тем, что все нижележащие формы материи ищут своего завершения в человеке: они направлены, устремлены к человеку в силу своей принципиальной незавершённости. Здесь идея о том, что низшее формируется сообразно с потребностями высшего, приобретает новое, совсем неожиданное звучание. «Человеческое общество, — настаивал Орлов, — как высшая ступень развития материи, не обладает указанной принципиальной незавершёностью в рамках самостоятельного существования и способно к безграничному развитию в своих собственных пределах, не переходя к “сверхсоциальной” ступени»⁷⁵.

Гегель, Мольер и опиум. Первым с критикой идеи Орлова выступил профессор МГУ Алексей Богомолов. Он упрекнул Орлова в том, что тот вместо действительного выхода из парадокса развития предлагает чисто словесное его решение. Разговор о наличии у материи неуничтожимой способности порождать высшее из низшего есть не более чем тавтология, простая экспликация понятия развития. Решение Орлова — это «аналог знаменитой “vis

⁷⁰ Орлов В. В., Краснов Г. С. О природе человеческой биологии // Философия пограничных проблем науки. — 1970. Вып. 3. — С. 176.

⁷¹ Орлов В. В. Социальная биология. Предмет, статус, проблемы // Философия пограничных проблем науки. — 1975. Вып. 7. — С. 5.

⁷² Оконская Н. Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1975. — С. 109.

⁷³ Оконская Н. Б. К понятию социально-биологической формации // Биология человека и социальный прогресс. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский университет, 1982. — С. 32.

⁷⁴ Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. — М.: Политиздат, 1991. — С. 201.

⁷⁵ Орлов В. В. Пограничные науки и марксистская концепция уровней // Философские науки. — 1969. № 4. — С. 62.

dormitiva”, ответственной, согласно мнению одного из мольеровских героев, за то, что опиум усыпляет»⁷⁶. Однако если признать, что развитие есть реализация постоянного набора потенциальных способностей материи, то это тоже, как полагал Богомоллов, мало поможет делу, ведь эти способности окажутся чем-то статическим, заранее данным, а это уже само по себе противоречит диалектике. В конечном счёте, московский профессор стал намекать на излишнюю зависимость идей Орлова от философии Гегеля, «отрицавшего, как известно, историческое развитие природы»⁷⁷. По иронии, сам Богомоллов видел разрешение парадокса развития в последовательном применении гегелевского закона перехода количественных изменений в качественные⁷⁸.

Призыв к единству. Следует сказать, что журнал «Философские науки» отказался публиковать ответные возражения Орлова о парадоксе развития в адрес Богомоллова, «сочтя вопрос уже исчерпанным»⁷⁹. Однако через год редакция журнала дала ему возможность выступить с инвективой против эпистемологов. Объектом критики стали тогда позиции Василия Тугаринова и Серафима Мелюхина: обоим вменялось в вину нарушение *концептуального единства* исследований и, стало быть, отход от идеалов научной философии, которая «развивается в соответствии с её сохраняющимся *основным концептуальным содержанием*, а не путём бесконечной смены концепций»⁸⁰. К основному концептуальному содержанию диалектического материализма Орлов относил, прежде всего, онтологическую (субстанциальную) трактовку понятия *объективная реальность*. Он считал, что объективно-реальное существование — это общий, всеохватывающий, интегральный, субстанциальный признак материи. Быть объективной реальностью — значит существовать «вне» и «независимо» от сознания. Отсюда следует, что единственным способом определить *сущность* материи является её противопоставление сознанию. Тот факт, что материя противоположна сознанию, имел для Орлова в первую очередь онтологический и лишь потом гносеологический смысл.

Сознающий себя мир. Тугаринов и Мелюхин придерживались иных взглядов. Первый полагал, что ленинская дефиниция материи является сугубо *гносеологической*, а потому материя должна быть дополнительно определена *онтологически* как «всеобщий предмет», «сущность природы», «бесконечная совокупность предметов» и пр. Второй считал, что объективно-реальное бытие — не единственное и отнюдь не самое важное свойство материи: гораздо большей значимостью обладают такие её характеристики, как абсолютность, всеобщность, структурность, бесконечность и т. д.

Оба взгляда совершенно не устраивали Орлова. Точка зрения Тугаринова, затушёвывавшая онтологическое различие между материей и сознанием, фактически разрушала бытийное основание для разграничения материализма и идеализма, лишала смысла основной вопрос философии и дезавуировала принцип партийности. Позиция же Мелюхина, как полагал Орлов,

---

⁷⁶ Богомоллов А. С. Разрешает ли «концепция уровней» парадокс развития? // Философские науки. — 1970. № 3. — С. 69.

⁷⁷ Там же. С. 71.

⁷⁸ Там же. С. 70.

⁷⁹ Орлов В. В. О некоторых вопросах теории материи, развития, сознания // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 56.

⁸⁰ Орлов В. В. К вопросу о философском понятии материи // Философские науки. — 1970. № 4. — С. 123.

напрямую угрожала гуманистической версии марксистской антропологии. Объявляя объективно-реальное бытие второстепенным признаком материи, она неизбежно снижала значимость сознания (субъективно-реального бытия) как универсальной и необходимой противоположности материи. Человеческое сознание у Мелюхина оказывалось частным, бедным, случайным феноменом. По Орлову, это был прямой и по существу кантианский путь «к отрицанию самой способности человека создавать позитивное мировоззрение, ... ибо в принципиально одностороннем и бедном отношении не может появиться целостная природа бесконечного мира»⁸¹. Между тем, кредо Орлова состояло в том, что человек есть *универсальное существо*, и его отношение к внешнему миру также универсально. Материя с необходимостью порождает человека и в нём она приходит к осознанию самой себя.

Мистик-преформист. Ответ со стороны эпистемологов пришел не сразу, зато был достаточно резким. От лица оппонентов Орлова выступил М. Н. Матвеев. Он обвинил Орлова в наивном преформизме⁸² и обрушился с критикой на концепцию «теневого системы». По его мнению, эта концепция отрицает генетическую зависимость высшего от низшего, поскольку по факту подчиняет низшее «запросам» высшего. «Отсюда следует, — иронизировал Матвеев, — что низшее должно чувствовать неведомым мистическим образом запросы высшего, когда последнего ещё нет и в помине»⁸³. Матвеев верно уловил, что на кону здесь стоит судьба психофизиологического парадокса, ведь однородный и простой нервный процесс как-то соотносится со сложными «потребностями» качественно разнородных образов. Тем не менее, он без колебаний отверг идею Орлова о том, что мозг есть всеобщий, универсальный субстрат, объявив, что подобное решение сводит идеальное к материальному субстрату. Более того, он упрекнул Орлова в необоснованном введении претенциозных терминов и нагромождении мнимых парадоксов. Так, по Матвееву, в функционировании человеческой чувственности нет никакой парадоксальности, поскольку, как установила психофизиология, «качество вещей в ощущениях представлено с точностью до соответствия, т. е. модальность ощущения соответствует природе оригинала»⁸⁴.

Сакраментальная фраза. В своём ответе Матвееву Орлов назвал его взгляд на природу ощущений позитивистским, а метод ведения полемики в целом — неуважительным⁸⁵. Вместе с тем он сокрушался о том, что Матвеев изложил его идею теневой системы в упрощённой и превратной форме, совершенно упустив из виду важное понятие «включённого низшего». Поскольку Матвеев в своих выпадах часто ссылался на Мелюхина (к примеру, он апеллировал к его утверждению о наличии в мире лишь непосредственной детерминации событий), это дало Орлову повод вновь уколоть эпистемологов. Орлов настаивал, что в мире действует *всеобщая необходимость*, что сама объективно-реальная природа материи детерминирует целостный процесс развития, который неизбежно приводит к появлению челове-

⁸¹ Орлов В. В. К вопросу о философском понятии материи // Философские науки. — 1970. № 4. — С. 129.

⁸² Матвеев М. Н. Анализ развития: действительные трудности и мнимые парадоксы // Философские науки. — 1973. № 4. — С. 69.

⁸³ Там же. С. 65.

⁸⁴ Там же. С. 68.

⁸⁵ Орлов В. В. О некоторых вопросах теории материи, развития, сознания // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 55–56.

ка⁸⁶. Орлов подчёркивал, что материя есть всеобщая определённая. Моментами или проявлениями этой определённости выступают атрибуты материи — пространство, время, движение, развитие. Взятые абстрактно, эти понятия однако не могут объяснить закономерное появление мыслящих существ. Поэтому понятие объективной реальности нуждается в углублении, обогащении и конкретизации. В своём высшем выражении материя «есть *конкретно-всеобщее понятие*»⁸⁷. Забегая вперёд, следует заметить, что синтагмы вроде «конкретно-всеобщее понятие» или «конкретно-всеобщая теория» станут впоследствии для философов пермской школы едва ли не сакраментальными.

Призраки теологии. Критические замечания Орлова били не только по позициям Матвеева. Они также задевали таких видных столичных философов, как Серафим Мелюхин, Виктор Тюхтин и Лев Баженов. Все они не преминули отреагировать в том же номере журнала «Философские науки». Мелюхин критиковал Орлова за финализм и однозначный детерминизм. Вместе с тем он указывал на сходство орловских идей с теологическим эволюционизмом Пьера Тейяра де Шардена⁸⁸. У Орлова, полагал Мелюхин, будущее предопределено теньными системами, и «подобного рода “наводка теней”»⁸⁹ на идею развития рискует обернуться метафизической доктриной о неизменности мира.

В свою очередь Тюхтин, как и Матвеев, пытался деконструировать психофизиологический парадокс. «Первичный процесс “кодирования” качества оригинала, — писал он, — происходит не в “количественных свойствах нервного процесса”, а в различной адресованности качественно разнородных воздействий разным нервным центрам головного мозга»⁹⁰. Он также отверг мысль Орлова о глубинном материальном родстве субстратов мозга и вещей внешнего мира, заявив, что «она не решает всей проблемы отображения качества вещей, так как вещи выступают в качественном многообразии своих субстратов»⁹¹.

Резче всех в адрес Орлова высказался Баженов. Он объявил его идеи о закономерной направленности развития материи к человеку чисто вербальными упражнениями, причём «упражнениями не безвредными, а откровенно телеологическими»⁹². Свои обвинительные пассажи Баженов украсил риторическим вопросом: «Как столь странная концепция могла зародиться у человека, занявшегося пограничными (но ведь не потусторонними же!) проблемами и к тому же считающего себя (и, видимо, искренне) материалистом?»⁹³

III. Построение системы. Конкретно-всеобщая теория (1974–1991)

Opus magnum. По странной случайности в том же 1974 году, в самый разгар полемики с москвичами, Орлов оставляет должность заведующего кафедрой философии Пермского

---

⁸⁶ Орлов В. В. О некоторых вопросах теории материи, развития, сознания // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 51.

⁸⁷ Там же. С. 49.

⁸⁸ Мелюхин С. Т. Проблемы философской теории материи // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 65.

⁸⁹ Там же. С. 67.

⁹⁰ Тюхтин В. С. К соотношению образа, знака и структуры // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 70.

⁹¹ Там же. С. 71.

⁹² Баженов Л. Б. некоторые замечания по поводу публикаций В. В. Орлова // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 76.

⁹³ Там же. С. 75.

университета. В одном из интервью он называл причиной своего ухода споры с тогдашним ректором Виктором Живописцевым⁹⁴. Однако 1974 год стал для Орлова не только периодом испытаний, но и временем несомненных научных удач. Именно тогда увидел свет его главный, узловый трактат «Материя, развитие, человек», где был предложена оригинальная программа построения *конкретной теории развития*.

Конкретная теория, по задумке Орлова, должна стать важным философским дополнением к абстрактной теории развития. Центральным понятием новой теории является гегелевское понятие *конкретно-всеобщего*, переинтерпретированное в материалистическом ключе. Конкретно-всеобщее — это всеобщее, которое в обобщённом и сокращённом виде включает в себя особенное. Существенная неполнота абстрактной теории как раз и состоит в игнорировании особенного: она раскрывает лишь предельно общий план единства процесса развития и представляет его в отвлечении от реальных, *особенных* ступеней (форм) материи⁹⁵. Так, общие законы диалектики применимы ко всем сферам бытия, в том числе и к мышлению, что делает их связь с концепцией материи весьма опосредованной. Поэтому конкретная теория должна быть «получена путем глубокого совмещения концепции развития и концепции материи»⁹⁶. Чтобы совмещение было успешным, необходимо, как полагал Орлов, предпринять ряд теоретических шагов. Во-первых, следует признать, что материя организована или даже самоорганизована развитием: *переход* от низшего к высшему есть способ её бытия в качестве *causa sui*, то есть субстанции. Во-вторых, важно понимать, что этот *переход* является необходимым, закономерным и направленным; иными словами, материя несёт в себе объективную тенденцию к усложнению. В-третьих, развитие материи необходимо мыслить как конструктивный процесс, который заключается «в построении бесконечной иерархической системы уровней»⁹⁷.

Говоря об иерархии форм материи, Орлов предложил смелый ход, а именно дополнить три классических закона абстрактной диалектики двумя закономерностями конкретной диалектики — экстенсивной (количественной) и интенсивной (качественной). В количественном плане в процессе развития материи обнаруживается неуклонное сокращение распространенности каждой последующей (более сложной) формы по сравнению с предыдущей (более простой). «Преобладающая масса низшего, — писал Орлов, — остается в “свободном состоянии” и образует широкий фундамент или среду, в которой существует высшее»⁹⁸. Эту закономерность сокращения объёма Орлов назвал *конвергенцией* или *схождением на конус*. В связи с этим, правда, возникала серьёзная теоретическая проблема: развитие бесконечной материи оказывалось на деле конечным. Данное затруднение во многом снималось благодаря обнаружению второй (качественной) закономерности, которую Орлов связал с ростом и концентрацией содержательного богатства материи или, иначе, с *аккумуляцией* и *универсализацией* основного содержания предшествующих ступеней развития материального мира. «Последовательно сокращая распространенность состояний (при всеохватывающем характере их “переборки”, т. е. “преодоления” в процессе развития) и концентрируя

⁹⁴ Философия жизни: интервью В. В. Орлова корреспонденту радиостанции «Эхо Перми» (от 9 декабря 2012 г.). — 2012. Электронный ресурс: <http://www.echoperm.ru/themes/16/341/92758/> (дата обращения: 12.08.2021).

⁹⁵ Орлов В. В. Какой должна стать теория развития? (К конкретно-всеобщей теории развития) // Философские науки. — 1987. № 12. — С. 33–34.

⁹⁶ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. — С. 215.

⁹⁷ Там же. С. 224.

⁹⁸ Там же. С. 231.

в уменьшающемся количестве (распространенности) последующих форм материи бесконечное число признаков предшествующих форм материи, последняя неизбежно порождает некоторую наивысшую ступень развития»⁹⁹. Нетрудно догадаться, что эта минимально распространённая, но максимально содержательная и, стало быть, наивысшая форма материи есть не что иное, как *человек, человеческое общество*.

Космическая роль. Появление человека ознаменовало, по убеждению Орлова, коренное изменение типа развития материи. То, что на первый взгляд выглядело как конец процесса усложнения мира, оказалось в действительности началом его второго, более радикального этапа. Его суть заключается в том, что материя для своего дальнейшего развития «нуждается» в универсальном деятельном существе, способном осмыслять и преобразовывать окружающий мир. Любопытной в этой связи представляется мысль Орлова о *потенциально-актуальной дисгармонии* реального мира. В силу конвергентного характера развития материи не все конструктивные возможности низшей ступени реализуются в высшей. Отсюда следует, что материя обладает бесконечным фондом дремлющих, нереализованных потенциалов. Как ни странно, бремя по их реализации ложится на плечи человека; этот процесс столь же бесконечен, сколь неисчерпаема сама материя. Иными словами, человек и его труд становятся фактором гармонизации мира, бесконечного преодоления потенциально-актуального дисбаланса, присущего мирозданию. Процесс доразвития материи сказывается и на человеке: он неизбежно развивается сам, превосходит себя, сохраняя при этом свою видовую определённую. Человеческая история, таким образом, «есть бесконечное движение “вверх” посредством преобразования своего бесконечного основания “вниз”»¹⁰⁰. Так человеческий труд и человеческое сознание приобрели в философии Орлова космический, если не сказать, космогонический смысл. «Эта космическая роль человека, — писал он, — не имеющая ничего общего с её идеалистическими и религиозными трактовками, может быть понята только на основе диалектико-материалистической концепции развития материи, рассматриваемого как процесс аккумуляции и обобщения результатов развития, достигающий наивысшей ступени с возникновением человеческого общества»¹⁰¹.

Идея построения конкретной теории развития сыграла решающую роль в судьбе пермской школы: она вывела старую задачу разработки пограничных проблем науки на новую философскую высоту. Более того, она открыла широкий спектр тем и проблем, требующих детальной и тщательной разработки. Этим занялось второе поколение учеников и сподвижников Орлова, среди которых следует особо отметить таких видных учёных, как Татьяна Васильева, Олег Барг, Игорь Утробин и Лёва Мусаелян. Все они стали работать на кафедре философии Пермского университета в 70-е годы. Васильева первоначально изучала особенности развития химической формы материи¹⁰² и защитила докторскую диссертацию по этой теме¹⁰³. Впоследствии, не раз выступая соавтором Орлова, она переключилась на социально-

---

⁹⁹ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. — С. 238.

¹⁰⁰ Там же. С. 253

¹⁰¹ Там же. С. 253–254.

¹⁰² Васильева Т. С. О направленности развития химической формы материи // Развитие материи как закономерный процесс. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1978. — С. 66–78.

¹⁰³ Васильева Т. С. Химическая форма материи и закономерный мировой процесс. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. — 136 с.

философскую проблематику. Барг, будучи биологом по образованию, занимался проблемами живого¹⁰⁴. Его исследования в этой области обобщены в капитальном труде по философии биологии¹⁰⁵. Следует отметить, что в сферу интересов Барга входили и философские проблемы химии¹⁰⁶, результаты разработки которых позднее нашли отражение в одноименной монографии¹⁰⁷. Утробин, ставший впоследствии первым деканом философско-социологического факультета ПГУ, сконцентрировался на проблеме сложности в философии¹⁰⁸, а Мусаелян, ныне возглавляющий кафедру философии, начинал с изучения аккумулятивного характера развития материи¹⁰⁹.

Сам же Орлов, отойдя на семь лет от руководства кафедрой, кажется, только нарастил интенсивность своей научной и педагогической работы. Следует сказать, что в течение этого периода кафедру философии Пермского университета возглавляли Геннадий Шелепов (1974–1975), Николай Вакульчик (1975–1976), Герасим Григорьев (1976–1981)¹¹⁰. В 1981 году Орлов возвращается на должность заведующего. «Кафедру стали изрядно разваливать, — вспоминал Орлов, — я сказал, что мне надо возвращаться. Вернулся»¹¹¹.

Обретение имени. Примерно в это же время в трудах Орлова и работах философов пермской школы начали вырисовываться контуры нового обозначения для интегрального процесса эволюции материи. Речь идет о синтагме «единый закономерный мировой процесс», сокращенно — ЕЗМП. Примечательно, что тетраграмматон ЕЗМП стал впоследствии в среде пермских студентов-философов настоящим локальным мемом. Иронически же настроенные критики усматривали в ней едва ли не псевдоним замаскированного под материю божества. Уже в 1978 году под редакцией Орлова, Васильевой, Коблова и др. вышел межвузовский сборник научных трудов под симптоматичным названием «Развитие материи как закономерный процесс» (эта серия сборников наследовала «Философии пограничных проблем науки»). Однако впервые полный вариант синтагмы был употреблен Орловым в межвузовском сборнике 1985 года как цитата из ленинской работы «Карл Маркс». Говоря о детальной разработке конкретно-всеобщей теории, Орлов настаивал на дальнейшей интеграции материализма и диалектики. «Важнейшим звеном такой интеграции, — писал он, — является концепция “единого, закономерного мирового процесса”»¹¹². Дальше шла ссылка на Ленина. Примечательно, что в этом сборнике словосочетание «единый закономерный миро-

¹⁰⁴ Барг О. А. Закономерный характер возникновения живой материи // Развитие материи как закономерный процесс. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1978. — С. 78–85.

¹⁰⁵ Барг О. А. Живое в мировом процессе. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. — 227 с.

¹⁰⁶ Барг О. А. Химическая форма материи: направление эволюции, границы преобразования и его прогнозирование // Развитие, предвидение, планирование. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский университет, 1984. — С. 82–88.

¹⁰⁷ Барг О. А. Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. — Пермь: Перм. ун-т, 2006. — 166 с.

¹⁰⁸ Утробин И. С. Сложность, развитие, научно-технический прогресс. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. — 160 с.

¹⁰⁹ Мусаелян Л. А. Аккумуляция содержания как закономерность развития материи // Развитие материи как закономерный процесс. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1978. — С. 106–115.

¹¹⁰ Григорьев Г. С. Кафедра философии (1950–1976) [Машинописный текст]. — Пермь, 1976. С. 2. // Архив кафедры философии ПГНИУ.

¹¹¹ Философия жизни: интервью В. В. Орлова корреспонденту радиостанции «Эхо Перми» (от 9 декабря 2012 г.). — 2012. Электронный ресурс: <http://www.echoperm.ru/themes/16/341/92758/> (дата обращения: 12.08.2021).

¹¹² Орлов В. В. Особенности современного материализма // Современный материализм: особенности, проблемы, тенденции. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1985. — С. 25.

вой процесс» фигурирует уже в заглавии статьи Васильевой¹¹³, причём без запятой и кавычек. Именно такой вариант и станет классическим. Следует, правда, добавить, что упомянутый сборник был фактически собранием докладов, прозвучавших на одноименной межвузовской теоретической конференции двумя годами ранее¹¹⁴. Поэтому можно сказать, что легендарное название концепции родилось еще в 1983 году.

Дух отрицания. В том же 1983 году Орлов вновь заявил о себе на уровне страны, приняв участие в полемике вокруг закона отрицания отрицания. Ставкой в борьбе мнений вновь оказался человек. Орлову было важно отстоять идею о всеобщности закона двойного отрицания, чтобы обосновать тем самым потенциально бесконечное существование человечества как «высшего цвета» материи. «Рассматривая развитие в... “конкретном” плане мы можем, — утверждал Орлов, — обнаружить действие закона отрицания отрицания в последовательности: $\infty \rightarrow$ человек (общество) $\rightarrow \infty'$ ... С человеком начинается новая ветвь бесконечного развития материи в форме социума (человека) и преобразованной, “второй природы”»¹¹⁵. В рамках диспута мысль Орлова о двух ветвях бесконечности была подвергнута серьезной критике со стороны Бонифатия Кедрова¹¹⁶. Ряд тезисов Орлова оспаривался и другими участниками круглого стола, поэтому ему пришлось отбиваться в повторном выступлении¹¹⁷. Примечательно, что в дискуссии 1983 года принимал участие и Алексей Лосев¹¹⁸, однако непосредственно с Орловым он не дебатировал: их философские взгляды были столь несхожи, что у них просто не было предмета для полемики.

Молодому марксисту. В 1985 году в Москве вышла в свет, пожалуй, самая тёплая, яркая и человечная книга Орлова «Человек, мир, мировоззрение». Тогда издательство «Молодая гвардия» выпускало серию книг «Университет молодого марксиста». В неё попала и книга пермского философа. К слову, это была единственная работа Орлова, вышедшая в столице. Содержательно она представляла собой популярное изложение трактата «Материя, развитие, человек», однако по форме и стилю существенно от него отличалась. Недаром именно эта книга впоследствии стала основой для хорошо известного пермским студентам «оранжевого» учебника по философии¹¹⁹.

Трактат для юношества «Человек, мир, мировоззрение» открывался эпитафией «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идём?», который отсылал к названию одной из самых известных картин Поля Гогена и сразу настраивал на философский лад. Книга с первых страниц погружала читателя в экзистенциальную проблематику и начиналась с критики тезиса о том, что мир чужд человеку, а сам человек — случайное в нем явление. Этот тезис Орлов считал

---

¹¹³ Васильева Т. С. Современный материализм и концепция единого закономерного мирового процесса // Современный материализм: особенности, проблемы, тенденции. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1985. — С. 40–51.

¹¹⁴ Современный материализм: особенности, проблемы, тенденции. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1985. — С. 3.

¹¹⁵ Орлов В. В. О всеобщем характере закона отрицания отрицания // Диалектика отрицания отрицания. — М.: Политиздат, 1983. — С. 109.

¹¹⁶ Кедров Б. М. Ещё раз о недоразумениях, возникающих при неправильной трактовке отрицания отрицания // Диалектика отрицания отрицания. — М.: Политиздат, 1983. — С. 249–261.

¹¹⁷ Орлов В. В. В защиту концепции развития как восхождения от низшего к высшему // Диалектика отрицания отрицания. — М.: Политиздат, 1983. — С. 202–226.

¹¹⁸ Лосев А. Ф. Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. — М.: Политиздат, 1983. — С. 149–170.

¹¹⁹ Орлов В. В. Основы философии: учеб. пособие. Ч. 1: Диалектический материализм. — Пермь, 1991. — 448 с.

квинтэссенцией западной антропологии. В её глубинных основаниях, как он полагал, лежит парадокс случайного человека, который является модификацией парадокса лжеца: «Если верно, что человек случаен, то такой человек не смог бы сделать достоверного заключения о своей случайности»¹²⁰. Все дальнейшие размышления в книге были нацелены на то, чтобы развенчать доктрину об обреченности случайного и отчуждённого человека.

Следует отметить, что книга была построена мастерски: автор словно соединил в ней три слоя текста. На первом слое стандартного текста раскрывался связный нарратив; на втором слое, набранном мелким шрифтом, давались комментарии и разъяснения; на третьем слое, состоящем из тематических «форточек» или «внутренних маргиналий», автор представил детальную рубрикацию и маркировку ключевых смысловых моментов повествования. Вместе с тем книга была насыщена отсылками к фантастике — вполне современный тренд — и цитатами из поэтических произведений. Один из параграфов (параграф о бесконечности) Орлов вообще написал в форме беседы между тремя участниками. В целом работу «Человек, мир, мировоззрение» без преувеличения можно назвать стилистической вершиной пермского философа.

Важно заметить, что повествование в книге было тематически закольцовано, — ещё один довод в пользу её формального совершенства. Начавшись с экзистенциальной проблематики, она оканчивалась вдохновенными, овеянными оптимизмом, рассуждениями о смысле человеческой жизни и чувстве причастности к бесконечности. Поскольку человек — это самая сложная и высшая реальность в мире, смысл его существования не может находиться *над* ним, *выше* его. Смысл его существования потому заключается в самом человеческом существовании, в сохранении и развитии его социального бытия. Иными словами, смысл — *«в преодолении всех препятствий к последовательному и полному развертыванию всех сторон человеческой природы, в освобождении человека от сковывающих его силы и способности социальных порядков, основанных на эксплуатации человека человеком»*¹²¹.

Достроить пирамиду. В середине 80-х Орлов уже понимал, что для построения целостной системы ему необходимо достроить здание сверху, то есть вплотную заняться социально-философской проблематикой. Начавшаяся в СССР перестройка дала внешний повод к философским размышлениям над проблемами труда, социализма и человеческой истории. В свете сказанного две книги этого периода, написанные Орловым в соавторстве с Васильевой, необходимо здесь особо отметить. Первая книга — монография с говорящим названием «Человек, ускорение, научно-технический прогресс» (1989); вторая — «Труд и социализм» (1991). Работа 1989 года интересна тем, что в ней был дан детальный анализ сущностных сил человека и была раскрыта диалектика способностей и потребностей. Орлов и Васильева отстаивали в этом пункте не самую популярную тогда точку зрения: они настаивали на примате способностей над потребностями. Этот тезис был следствием их общеполитических представлений о сущности и содержании развития как всеобщей потенции материи. Поэтому и в человеке *«способности — наиболее творческий, созидающий элемент»*¹²². Вместе с тем в указанной монографии была выведена общая формула социального прогресса как развития сущностных сил человека.

¹²⁰ Орлов В. В. Человек, мир, мировоззрение. — М.: Мол. Гвардия, 1985. — С. 10.

¹²¹ Там же. С. 201.

¹²² Орлов В. В., Васильева Т. С. Человек, ускорение, научно-технический прогресс. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. — С. 57.

Работа 1991 года была примечательна тем, что в ней Орлов и Васильева со всей ясностью поставили вопрос о социальной субстанции. По их мнению, в советской философской традиции зачастую акцентировалась лишь реляционная сторона человеческой сущности — человек как ансамбль общественных отношений. Между тем, сам Маркс никогда не упускал из виду и более значимую, субстанциальную сторону — человек как универсальное существо, преобразующее природу и творящее самое себя. Однако если отношения между людьми фиксируются довольно просто, то «социальный субстрат не может быть обнаружен посредством прямого чувственного созерцания». Чувственно нам даны лишь человеческие тела, да и то в их физических проявлениях, а потому мы не можем наблюдать никакого надбиологического субстрата. Тем не менее, человек трудится и мыслит, осуществляя деятельность, качественно отличную от биологической. Логично предположить, рассуждали авторы монографии, что труд и мышление суть проявление некоего сверхчувственного субстрата. «Наиболее общей теоретической основой вывода о существовании специфического социального субстрата является концепция... *единого, закономерного мирового процесса*. Она выступает, далее, диалектико-материалистической основой материалистического понимания истории»¹²³.

Единый исторический процесс. Из приведённого выше рассуждения вытекала вторая важная идея работы «Труд и социализм». Это была мысль о том, что «*история есть развитие человеческой сущности*»¹²⁴ и сущностных сил человека. Орлов и Васильева исходили из того, что человеческая история едина и «важнейшим фактором единого исторического процесса является единая человеческая природа»¹²⁵. Таким образом, история оказывалась закономерным продолжением ЕЗМП, а человеческий труд — высшим выражением всеобщей способности материи творить новое, более сложное содержание, то есть превосходить себя, трансцендировать свое прежнее состояние.

Историческое развитие человеческой сущности, между тем, мыслилось Орловым и Васильевой как противоречивый процесс. «Если неантагонистические формации, — писали они, — находятся в соответствии с человеческой сущностью, наиболее прямо и полно выражают её, то антагонистические общества коренным образом её извращают и искажают, выражая в то же время её внутреннее противоречие»¹²⁶. Отсюда следовало, что закономерно подготовленный всем ходом человеческой истории коммунизм, будучи наиболее развитой неантагонистической формацией, «восстанавливает единство человеческой природы на принципиально новой, более высокой основе»¹²⁷. Между человечеством и коммунизмом, таким образом, существует тесная, «интимная» связь, которая, помимо всего прочего, выражается в параллелизме их судьбы: и человечество, однажды возникнув, и коммунизм, однажды наступив, должны существовать вечно.

IV. В поисках новых идей (1991–1999)

---

¹²³ Орлов В. В., Васильева Т. С. Труд и социализм. — Пермь: Перм. ун-т, 1991. — С. 12.

¹²⁴ Там же. С. 128.

¹²⁵ Там же. С. 130.

¹²⁶ Там же. С. 131.

¹²⁷ Там же. С. 132.

Распад Советского Союза и крах коммунистической программы Орлов воспринял как личную трагедию. Такая болезненность была следствием его убеждений, выстроенных в философскую систему. В воображении Орлова от бесконечного ряда субфизических форм до коммунистической общественной формации пролегал единый континуум объективно-реального бытия. И вдруг в одночасье социальная материя сбилась со своего пути и повернула вспять! Вдобавок ко всему ведущие диаматчики из Москвы и Питера резко начали менять свои мировоззренческие ориентиры¹²⁸. Изменить ситуацию в целом по стране уже не представлялось возможным, зато во власти Орлова было удерживать кафедру от интеллектуального «распада». Он был убеждён, что «если имеешь правильное мнение, нужно отстаивать его до конца»¹²⁹. На своих лекциях он часто сетовал, что многие из тех, кто в советское время упрекал его в отступлении от ортодоксального марксизма, в 90-е начали клеймить его за догматизм и ретроградство.

Осаждённая крепость. Важно напомнить, что Орлову и его сторонникам было не привыкать работать в ситуации тотальной критики со стороны философов из столиц. Уже в советское время кафедра стала жить в режиме оппозиции по отношению к столичным коллегам. Началом тому послужили уже упомянутые дискуссии 70-х годов¹³⁰. Неудивительно поэтому, что когда времена круто изменились, *modus vivendi* на кафедре философии в Пермском университете остался прежним — идти своим путём, несмотря ни на что. «Кафедра у нас вообще сильная»¹³¹, — говорил Орлов. По всей видимости, привычка быть под ударом в течение десятилетий позволила кафедре выработать своего рода иммунитет против смены позиции. Именно этим обстоятельством (вкуче с личными качествами Орлова) можно объяснить то, что в Перми до сих пор существует марксистская кафедра и школа, так сказать, советского образца.

В середине 90-х Орлов следующим образом описывал состояние Пермской философской школы: «В настоящее время на кафедре продолжают исследования новой формы материализма и диалектики в намеченных ранее направлениях. Возникли также новые направления исследования, связанные преимущественно с проблемами социальной философии и политической экономии, разработкой современной экономической модели развития России, соответствующей стратегическим направлениям развития общества, человеческой сущности, современного товарного производства»¹³².

С 1992 года межвузовский сборник научных трудов по философии, издававшийся под эгидой Орлова и представителей школы, изменил своё наименование. Теперь он стал выхо-

¹²⁸ Орлов В. В. От Маркса к Ойзерману // Философия и общество. — 2004. № 2. — С. 55.

¹²⁹ Десять заповедей мастера диалектики Владимира Орлова // Пермская трибуна. — 2015. № 46 (161). — С. 10.

¹³⁰ См., напр.: Баженов Л. Б. Некоторые замечания по поводу публикаций В. В. Орлова // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 74–77; Богомолов А. С. Разрешает ли «концепция уровней» парадокс развития? // Философские науки. — 1970. № 3. — С. 66–72; Матвеев М. Н. Анализ развития: действительные трудности и мнимые парадоксы // Философские науки. — 1973. № 4. — С. 61–69; Мелюхин С. Т. Проблемы философской теории материи // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 57–67; Тюхтин В. С. К соотношению образа, знака и структуры // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 68–73.

¹³¹ Философия жизни: интервью В. В. Орлова корреспонденту радиостанции «Эхо Перми» (от 9 декабря 2012 г.). — 2012. Электронный ресурс: <http://www.echoperm.ru/themes/16/341/92758/> (дата обращения: 12.08.2021).

¹³² Орлов В. В. Основные направления научной работы кафедры философии в 60–90-е гг. // Вестник Пермского университета. Вып. 3. Философия. — Пермь, 1995. — С. 21.

дить под говорящим названием «Новые идеи в философии». Выработка новых идей осуществлялась, однако, в весьма чётких рамках кафедральной концепции, о чём свидетельствует превалирующая тематика статей тех лет. В поисках неожиданных путей дальнейшего концептуального углубления сам Орлов словно бы отступил на шаг назад: с одной стороны, он вернулся к уже хорошо знакомой ему теме — соотношению биологического и социального¹³³; с другой стороны, он особым образом погрузился в историю философии — написал трёхтомный труд «История человеческого интеллекта» (1995, 1998, 1999)¹³⁴.

Профессиональные философы. В 1996 году в истории кафедры философии произошло эпохальное событие — были открыты философско-социологический факультет (ФСФ) и специальность «философия». Орлов выступил как один из организаторов факультета¹³⁵. Это означало, что теперь можно было готовить «профессиональных философов», со студенческой скамьи обучая их азам кафедральной концепции. Нетрудно догадаться, что после первого выпуска (2001) потребность в рекрутинге аспирантов с других факультетов резко уменьшилась. Правда, это вовсе не означает, что подобная практика совершенно прекратилась.

V. Завершить Маркса (1999–2019)

Политэкономический поворот. В 1999 году Орлов выпустил статью, которая, как представляется, ознаменовала собой начало *политэкономического поворота* в истории Пермской философской школы. Речь идёт о статье «Проблема будущего человеческой цивилизации (товарное производство, капитализм, социализм)». В ней Орлов резко раскритиковал проведённые в России экономические реформы, которые, по его мнению, привели к настоящей катастрофе. Чтобы преодолеть последствия этой катастрофы, он предложил отказаться от идеи рыночной экономики как магистрального направления развития и обратиться к политэкономическим идеям Маркса. По Орлову, Маркс совершенно верно обозначил пределы существования товарного производства. Тот факт, что в постиндустриальную эпоху рабочее время всё больше перестаёт быть источником общественного богатства и вместе с тем сокращается доля физического труда, является свидетельством в пользу Маркса. Как подчёркивал Орлов, налицо разрушение стоимостного отношения как основы капитализма. «На наших глазах, — писал он, — происходит *фундаментальный революционный процесс разрушения прежнего исторического способа существования человеческой цивилизации, внутреннее вырождение товарного производства и, следовательно, частной собственности*»¹³⁶.

Сокращение доли физического труда отнюдь не означает, что материальный труд исчезает, так как физический и материальный труд не тождественны. С уменьшением роли физи-

---

¹³³ Васильева Т. С., Орлов В. В. Проблема соотношения биологического и социального: Учеб. пособие. — Пермь: Пермский университет, 1996. — 96 с.

¹³⁴ Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Ч. 1, 2. Предыстория — миф — религия — Просвещение — Кант — Гегель — Современный интеллект. Избранные труды. — Пермь: ПГУ, 2002. — 363 с.

¹³⁵ Попов В. Г. Философско-социологический факультет: генезис, развитие, традиции. — Пермь: Перм. ун-т, 2008. — С. 7.

¹³⁶ Орлов В. В. Проблема будущего человеческой цивилизации (товарное производство, капитализм, социализм) // Новые идеи в философии. — 1999. Вып. 8. — С. 12.

ческого труда материальный труд просто меняет свою форму, становясь пострыночным, *всеобщим трудом*. Но от этого он отнюдь не теряет своей материальности. По Орлову, *всеобщий труд* — это высшая онаученная форма материального труда, выражение родовых сущностных сил человека. В настоящую эпоху он проявляется, главным образом, в производстве информации, на что обратили внимание теоретики постиндустриального общества. Но они не заметили главного, а именно материального характера невещественного производства. Производство информации — и в этом состояла главная новелла Орлова — следует понимать как производство *абстрактных материальных структур*. Новый характер производства требует создания «*новой трудовой теории ценности или стоимости*»¹³⁷. Согласно этой теории, новое качество стоимости необходимо мыслить как *сгусток всеобщего труда*. Она становится многогранным выражением родовой и индивидуальной сущности человека. Благодаря этому коренным образом меняются и отношения собственности, поскольку всеобщий труд носит *общественный* характер. Таким же характером обладает и компьютеризированный труд. Как ни странно, но ещё в 1999 году Орлов обратил внимание на то, что «сети типа “Интернета” служат средством обобществления труда в масштабах человеческой цивилизации в целом»¹³⁸. К слову, систему идей, изложенных в данной статье, Орлов позже назвал *рамочной философской концепцией современной трудовой теории стоимости*¹³⁹. Впоследствии их расширенное изложение составит основное содержание совместной книги Орлова и Васильевой «Философия экономики».

Дерзкий замысел. Монографии «Философия экономики» необходимо уделить несколько слов, поскольку она не только интересна своим содержанием, но и впечатляет своей амбициозной целью и нетривиальным способом её достижения. Речь идёт о замысле авторов написать заключение к «Капиталу» Маркса, опираясь на фрагменты и разделы из всех томов, где Маркс мимоходом говорит о разложении капиталистического способа производства. Любопытно, что свою задумку авторы назвали «дерзким замыслом»¹⁴⁰. Заключение представляло собой связный текст Орлова и Васильевой, в который в квадратных скобках были врезаны оригинальные фрагменты из Маркса. Выглядело это, к примеру, так: «[Разложение капитала как господствующей формы производства с развитием буржуазного общества] выражается в неравномерном, циклическом развитии капиталистического способа производства. [Капиталистическое производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно полагаются]»¹⁴¹.

Параллельно с политэкономическими штудиями Орлов активно участвовал в подготовке и курировании научных кадров, которым он фактически делегировал дальнейшую разработку основных направлений, определенных им в разные периоды развития школы. Так, Лёва Мусаелян разрабатывал научную теорию исторического процесса¹⁴², Вячеслав Корякин

¹³⁷ Орлов В. В. Проблема будущего человеческой цивилизации (товарное производство, капитализм, социализм) // Новые идеи в философии. — 1999. Вып. 8. — С. 19.

¹³⁸ Там же. С. 20.

¹³⁹ Орлов В. В. Философия и экономика: рамочная философская концепция современной трудовой теории стоимости // Новые идеи в философии. — 2003. Вып. 12. — С. 5–25.

¹⁴⁰ Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики: монография. — 3-е изд., испр. и доп. — Пермь: ПГНИУ, 2013. — С. 170.

¹⁴¹ Там же. С. 183.

¹⁴² Мусаелян Л. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. — 440 с.

занимался вопросами исторического развития труда¹⁴³, а Юрий Лоскутов — проблемой субстанции человеческой истории. Философские проблемы языка были и остаются прерогативой Натальи Бересневой¹⁴⁴ — ныне декана ФСФ. Её предшественник на этой должности Александр Внутских изучал механизмы отбора в природе и социуме¹⁴⁵. Исследования Татьяны Черновой были посвящены способностям и потребностям — важнейшим сущностным силам человека. Проблему смысла жизни с кафедральных позиций решала Юлия Маслянка¹⁴⁶, а проблему идеального — Вероника Залещук. В сферу интересов Натальи Мехряковой входили вопросы построения системы категорий научной философии. Природу виртуальной реальности с позиций научной философии рассматривала Елена Малкова. В свою очередь, Олег Барг продолжил исследования на границе химической и биологической формы материи. Особенности современной формы труда изучали Ксения Патырбаева, Виктория Гриценко¹⁴⁷, Яна Григорова. Анализ социально-биологических кризисов проводил Антон Желнин. Ряд упомянутых философов разрабатывает эти темы по сей день.

В 2016 году Орлов оставил должность заведующего кафедрой в силу преклонного возраста. На его место пришел Лёва Мусаелян, благодаря которому Пермская философская школа продолжает свою работу в русле концепции единого закономерного мирового процесса и конкретно-всеобщей теории развития. Исследования продолжаются!

Взяв дважды прицел на частности, взглядевшись в само происходящее, мы вдруг замечаем, сколь нечеловеческие черты приобретает порой человеческая деятельность. Мы уже не улавливаем в этом происходящем ни особого смысла, ни стати, ни временности — нам явлена только сухая и голая событийность. Правильно выбранный ракурс знакомства с Пермской философской школой обнаружил устойчивую элиминацию смысла, контакт с реальностью задает не некая «генеральная линия» разработки или «общая парадигма», а броуновское движение личных авторских усилий, которые в наиболее осторожных и глобальных своих выводах попадают мимо, в то время как в наиболее смелых и неожиданных, «мутировавших» поползновениях их интеллектуальной жизни выявляется смелый, нестираемый при дальнейшем знакомстве перформатив. Остаётся то, что не забывается. Но не забываем мы ни то, что стараемся помнить изо всех сил, ни то, что вписалось, как нам кажется, в чёткую линию обоснования и стало «важной мыслью» на века. Мы помним то, что не можем отогнать от себя, то, что неотступно тревожит; и мы помним то, что вдруг вспоминается без причины, по воле случайно лёгшей ассоциативной нити. Мы помним то, что не отпускает и одновременно отталкивает от себя.

Ещё одна белая страница в истории отечественной философии благодаря этому тексту теперь начала заполняться. Но что ещё более важно, мы попытались нащупать в этом тексте

---

¹⁴³ Корякин В. В. Труд и единый закономерный исторический процесс: монография. Часть 1. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. — 418 с.

¹⁴⁴ Береснева Н. И. Язык и реальность. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. — 182 с.

¹⁴⁵ Внутских А. Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. — 335 с.

¹⁴⁶ Маслянка Ю. В. Смысл и «бессмысленное время». Проблема смысла жизни в современной философии: монография. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. — 215 с.

¹⁴⁷ Гриценко В. С. Труд в постиндустриальном обществе: монография. — Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2013. — 210 с.

те обстоятельства встречи, которые не позволят эту вежу забыть. Не позволят ей потеряться на фоне схожего, измельчиться в уже более неразличимое количество. Потому что мы пишем эту историю для человеческих существ, существ, способных правильно забывать, — существ, обладающих длинной волей. Философия всегда жила школами, школы держатся на крупных авторах, крупные авторы — это прежде всего оригинальные личности, которые вновь возвращаются к большим темам и соотносят с ними картину своего жизненного пути — всё как всегда. В этом смысле Пермская школа научной философии представляет собой и случай реальной жизненной синхронии ряда сильных авторов, и случай локального философского события мысли, нередуцируемый ни к обстоятельствам локальной социальной ситуации, ни к общим правилам игры в отмеренный ей исторический период. Вклад в мировую философию? Как знать! Большие нарративы выглядят таковыми только с близкого расстояния, удаляясь от них, мы перестаём различать детали. То, что представлялось деятелям Пермской школы сильными сторонами их доктрины — научность, марксизм, позитивистский тип письма, — всё это на расстоянии опадает гораздо быстрее, чем личное усилие мысли. Всё-таки важными остаются заявление, порыв и эксперимент, сохранившийся кое-где индивидуальный почерк. Речь зависимая, а не объективная, приводящая в беспокойство, а не снимающая вопросы.

Литература

1. Баженов Л. Б. Некоторые замечания по поводу публикаций В. В. Орлова // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 74–77.
2. Барг О. А. Живое в мировом процессе. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. — 227 с.
3. Барг О. А. Закономерный характер возникновения живой материи // Развитие материи как закономерный процесс. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1978. — С. 78–85.
4. Барг О. А. Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. — Пермь: Перм. ун-т, 2006. — 166 с.
5. Барг О. А. Химическая форма материи: направление эволюции, границы преобразования и его прогнозирование // Развитие, предвидение, планирование. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский университет, 1984. — С. 82–88.
6. Береснева Н. И. Язык и реальность. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. — 182 с.
7. Богомолов А. С. Разрешает ли «концепция уровней» парадокс развития? // Философские науки. — 1970. № 3. — С. 66–72.
8. Букановский В. М. Принципы и основные черты классификации современного естествознания. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960.
9. Васильева Т. С. О направленности развития химической формы материи // Развитие материи как закономерный процесс. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1978. — С. 66–78.
10. Васильева Т. С. Современный материализм и концепция единого закономерного мирового процесса // Современный материализм: особенности, проблемы, тенденции. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1985. — С. 40–51.

11. Васильева Т. С. Химическая форма материи и закономерный мировой процесс. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. — 136 с.
12. Васильева Т. С., Орлов В. В. Проблема соотношения биологического и социального: Учеб. пособие. — Пермь: Пермский университет, 1996. — 96 с.
13. Внутских А. Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. — 335 с.
14. Георгиев Ф. И., Фролова О. Ф. Психическое и физиологическое // Философские науки. — 1967. № 1. — С. 138–140.
15. Гордиенко Н. С. Памяти В. П. Тугаринова // Тугариновские чтения. Вып. 1 / Материалы научной сессии. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. — С. 21–22.
16. Григорьев Г. С. Природа как естественная основа социального (о «человеческой сущности» природы) // Философия пограничных проблем науки. — 1970. Вып. 3. — С. 184–200.
17. Григорьев Г. С. Труд – первая человеческая потребность: диалектика процесса труда. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1965. — 160 с.
18. Гриценко В. С. Труд в постиндустриальном обществе: монография. — Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2013. — 210 с.
19. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. — М.: Политиздат, 1991. — 480 с.
20. Кедров Б. М. Еще раз о недоразумениях, возникающих при неправильной трактовке отрицания отрицания // Диалектика отрицания отрицания. — М.: Политиздат, 1983. — С. 240–261.
21. Коблов А. Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 206 с.
22. Коблов А. Н. О статусе и некоторых перспективах развития биофизики // Философия пограничных проблем науки. — 1972. Вып. 5. — С. 34–55.
23. Коблов А. Н. Парадокс развития и марксистская концепция уровней // Философия пограничных проблем науки. — 1968. Вып. 2. — С. 5–20.
24. Коблов А. Н. Соотношение физической и биологической форм материи в молекулярно-кинетическом аспекте // Философия пограничных проблем науки. — 1970. Вып. 3. — С. 141–159.
25. Корякин В. В. Труд и единый закономерный исторический процесс: монография. Часть 1. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. — 418 с.
26. Краснов Г. С., Орлов В. В. Биология и социальный прогресс // Философия пограничных проблем науки. — 1972. Вып. 5. — С. 115–152.
27. Лосев А. Ф. Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. — М.: Политиздат, 1983. — С. 149–170.
28. Маслянка Ю. В. Смысл и «бессмысленное время». Проблема смысла жизни в современной философии: монография. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. — 215 с.
29. Матвеев М. Н. Анализ развития: действительные трудности и мнимые парадоксы // Философские науки. — 1973. № 4. — С. 61–69.

30. Мелюхин С. Т. Проблемы философской теории материи // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 57–67.
31. Мусаелян Л. А. Аккумуляция содержания как закономерность развития материи // Развитие материи как закономерный процесс. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский ун-т, 1978. — С. 106–115.
32. Мусаелян Л. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. — 440 с.
33. Мусаелян Л. А. Памяти ученого // Новые идеи в философии. — 2020. № 7 (28). — С. 4–11.
34. Нецветаев В. А. Концепция уровней и проблема организации живого // Философия пограничных проблем науки. — 1967. Вып. 1. — С. 105–135.
35. Нецветаев В. А., Орлов В. В. Дифференциация и интеграция в развитии живых организмов // Ученые записки Пермского гос. ун-та, № 152. Философия. — Пермь, 1966. — С. 3–27.
36. Оконская Н. Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1975. — 199 с.
37. Оконская Н. Б. К понятию социально-биологической формации // Биология человека и социальный прогресс. Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь: Пермский университет, 1982. — С. 30–40.
38. Оконская Н. Б. О сущности и особенностях коммунистического воспитания // Ученые записки Пермского гос. ун-та, № 124. Философия. — Пермь, 1964. — С. 3–10.
39. Орлов В. В. В защиту концепции развития как восхождения от низшего к высшему // Диалектика отрицания отрицания. — М.: Политиздат, 1983. — С. 202–226.
40. Орлов В. В. Диалектический материализм и психофизиологическая проблема. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. — 208 с.
41. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Ч. 1, 2. Предыстория — миф — религия — Просвещение — Кант — Гегель — Современный интеллект. Избранные труды. — Пермь: ПГУ, 2002. — 363 с.
42. Орлов В. В. К вопросу о философском понятии материи // Философские науки. — 1970. № 4. — С. 123–132.
43. Орлов В. В. Какой должна стать теория развития? (К конкретно-всеобщей теории развития) // Философские науки. — 1987. № 12. — С. 31–41.
44. Орлов В. В. Материализм как метод познания и практической деятельности // Вопросы теории познания. Сборник статей. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1961. — С. 3–22.
45. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. — 397 с.
46. Орлов В. В. О всеобщем характере закона отрицания отрицания // Диалектика отрицания отрицания. — М.: Политиздат, 1983. — С. 99–112.
47. Орлов В. В. О логике соотношения высших и низших ступеней развития материи (концепция «уровней») // Философия пограничных проблем науки. — 1967. Вып. 1. — С. 5–83.
48. Орлов В. В. О некоторых вопросах теории материи, развития, сознания // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 47–56.

49. Орлов В. В. О познавательной роли ощущений // *Философские науки*. — 1964. № 3. — С. 129–138.
50. Орлов В. В. Основные направления научной работы кафедры философии в 60-90-е гг. // *Вестник Пермского университета. Вып. 3. Философия*. — Пермь, 1995. — С. 3–23.
51. Орлов В. В. Основы философии: учеб. пособие. Ч. 1: Диалектический материализм. — Пермь, 1991. — 448 с.
52. Орлов В. В. Особенности современного материализма // *Современный материализм: особенности, проблемы, тенденции. Межвузовский сборник научных трудов*. — Пермь: Пермский ун-т, 1985. — С. 4–25.
53. Орлов В. В. Особенности чувственного познания. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1962. — 220 с.
54. Орлов В. В. От Маркса к Ойзерману // *Философия и общество*. — 2004. № 2. — С. 55.
55. Орлов В. В. Парадокс теневой системы // *Философия пограничных проблем науки*. — 1970. — С. 20–29.
56. Орлов В. В. Пермской университетской школе научной философии — 50 лет // *Новые идеи в философии*. — 2010. Т. 1. Вып. 19. — С. 5–24.
57. Орлов В. В. Пограничные науки и марксистская концепция уровней // *Философские науки*. — 1969. № 4. — С. 59–68.
58. Орлов В. В. Предмет, структура и проблемы философской теории пограничных наук // *Философия пограничных проблем науки*. — 1972. Вып. 5. — С. 7–16.
59. Орлов В. В. Проблема будущего человеческой цивилизации (товарное производство, капитализм, социализм) // *Новые идеи в философии*. — 1999. Вып. 8. — С. 4–23.
60. Орлов В. В. Проблема системы категорий философии: монография / В. В. Орлов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2012. — 262 с.
61. Орлов В. В. Психофизиологическая проблема: философский очерк. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. — 438 с.
62. Орлов В. В. Соотношение психического и физиологического // *Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии: Материалы совещания / Под ред. акад. П. Н. Федосеева и др.* — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — С. 646–650.
63. Орлов В. В. Социальная биология. Предмет, статус, проблемы // *Философия пограничных проблем науки*. — 1975. Вып. 7. — С. 4–26.
64. Орлов В. В. Философия и экономика: рамочная философская концепция современной трудовой теории стоимости // *Новые идеи в философии*. — 2003. Вып. 12. — С. 5–25.
65. Орлов В. В. Философский манифест: накануне двадцать первого века // *Новые идеи в философии*. — 1998. Вып. 7. — С. 4–14.
66. Орлов В. В. XXI век и проблема научности философии // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. — 2010. № 1 (1). — С. 4–13.
67. Орлов В. В. Эвристический потенциал современной научной философии // *Новые идеи в философии*. — 2002. Вып. 11. — С. 5–22.
68. Орлов В. В., Васильева Т. С. Труд и социализм. — Пермь: Перм. ун-т, 1991. — 204 с.

69. Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики: монография. — 3-е изд., испр. и доп. — Пермь: ПГНИУ, 2013. — 268 с.
70. Орлов В. В., Краснов Г. С. О природе человеческой биологии // Философия пограничных проблем науки. — 1970. Вып. 3. — С. 160–183.
71. Павлов Т. Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма / Пер. с болгар. Ф. И. Георгиева и А. И. Рубина. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. — 522 с.
72. Пермский государственный университет имени А. М. Горького: исторический очерк (1916–1966). — Пермь: Пермское книжное издательство, 1966. — 294 с.
73. Пермский университет. — 1964. № 41 (466). — 2 с.
74. Попов В. Г. Философско-социологический факультет: генезис, развитие, традиции. — Пермь: Перм. ун-т, 2008. — 66 с.
75. Профессора Пермского государственного университета. — Пермь: Изд-во Перм. унта, 2001. — 280 с.
76. Свицерский В. И. Противоречивость движения и ее проявления. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. — 142 с.
77. Труды ученых Пермского университета (1916–2015 гг.). Философско-социологический факультет [Электронный ресурс]: библиогр. указатель / Сост. Е. С. Игнатова, И. К. Трубина. — Пермь: ПГНИУ, 2016. — 252 с.
78. Тюхтин В. С. К соотношению образа, знака и структуры // Философские науки. — 1974. № 5. — С. 68–73.

Архивные документы

1. Орлов В. В. Особенности чувственного познания [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / ЛГУ. — Л., 1958. С. 13 // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 18.
2. Копия почетной грамоты Орлову В. В. за работу «Об отражении как свойстве материи» (1953–1954) // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.
3. Копия удостоверения лектора лекционного бюро Новгородского областного управления культуры (1955) // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.
4. Автобиография В. В. Орлова. Печатный экземпляр // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
5. Орлов В. В. Мозг и психика. Психофизиологическая проблема и ее современное решение [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра. филос. наук / ЛГУ. — Л., 1965. — 36 с. // Архив кафедры философии ПГНИУ.
6. Орлов В. В. Мозг и психика. Психофизиологическая проблема и ее современное решение [Текст]: диссертация на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук / ЛГУ. — Л., 1965. — 725 с. // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 4–5.
7. Копия аттестата профессора по кафедре философии (23 июля 1967 г.) // ГАПК. Ф. р-2315. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.
8. Григорьев Г. С. Кафедра философии (1950–1976) [Машинописный текст]. — Пермь, 1976. — 23 с. + 2 фотогр. // Архив кафедры философии ПГНИУ.

9. Коблов А. Н. О соотношении физической и биологической форм материи [Машинописный текст]: диссертация на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / ПГУ. — Пермь, 1970. — 228 с. // Архив кафедры философии ПГНИУ.

Интервью

1. Философия жизни: интервью В. В. Орлова корреспонденту радиостанции «Эхо Перми» (9 декабря 2012 г.) — 2012. Электронный ресурс: <http://www.echoperm.ru/themes/16/341/92758/> (дата обращения: 12.08.2021).

2. Десять заповедей мастера диалектики Владимира Орлова // Пермская трибуна. — 2015. № 46 (161). — С. 10.

References

1. Barg O. A. "Himicheskaya forma materii: napravlenie evolyucii, granicy preobrazovaniya i ego prognozirovaniye" [Chemical form of matter: evolution direction, transformation boundary and its prediction], in: *Razvitie, predvidenie, planirovaniye. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Development, prediction, planning. The Interuniversity collection of scientific works]. Perm: Perm University, 1984. Pp. 82–88. (In Russian.)

2. Barg O. A. "Zakonomernyj harakter vznikoveniya zhivoj materii" [Lawful nature of the origin of living matter], in: *Razvitie materii kak zakonomernyj process. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Development of matter as a lawful process. Interuniversity collection of scientific works]. Perm: Perm Univ., 1978. Pp. 78–85. (In Russian.)

3. Barg O. A. *Filosofskie problemy himii: konkretno-vseobshchij podhod* [Philosophical Problems of Chemistry: Concrete and Universal Approach]. Perm: Perm State University, 2006. 166 p. (In Russian.)

4. Barg O. A. *ZHivoe v mirovom processe* [Living in the World Process]. Perm: Publishing house of Perm University, 1993. 227 p. (In Russian.)

5. Bazhenov L. B. *Nekotorye zamechaniya po povodu publikacij V. V. Orlova* [Some remarks on the publications of V. Orlov]. *Philosophical Sciences*, 1974, no. 5, pp. 74–77. (In Russian.)

6. Beresneva N. I. *Yazyk i real'nost'* [Language and Reality]. Perm: Publishing house of Perm State University, 2004. 182 p. (In Russian.)

7. Bogomolov A. S. *Razreshaet li «konceptiya urovnej» paradoks razvitiya?* [Does the "conception of levels" solve the development paradox?]. *Philosophical Sciences*, 1970, no. 3, pp. 66–72. (In Russian.)

8. Bukanovsky V. M. *Principy i osnovnye cherty klassifikacii sovremennogo estestvoznaniya* [Principles and Main Features of Classification of Modern Natural Science]. Perm: Perm Book Publishing House, 1960. (In Russian.)

9. Georgiev F. I., Frolova O. F. *Psihicheskoe i fiziologicheskoe* [Mental and Physiological]. *Philosophical Sciences*, 1967, no. 1, pp. 138–140. (In Russian.)

10. Gordienko N. S. "Pamyati V. P. Tugarinova" [In memory of V.P. Tugarinov], in: *Tugarinovskie chteniya. Vyp. 1 / Materialy nauchnoj sessii* [Tugarinov readings. In: Tugarinov readings. 1 / Materials of scientific session]. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. Pp. 21–22. (In Russian.)
11. Graham L. P. *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Natural Science, Philosophy and Science of Human Behavior in the Soviet Union]. Moscow: Politizdat, 1991. 480 p. (In Russian.)
12. Grigoriev G. C. *Priroda kak estestvennaya osnova social'nogo (o «chelovecheskoj sushchnosti» prirody)* [Nature as the Natural Basis of the Social (On the "Human Essence" of Nature)]. Philosophy of Boundary Problems of Science. In: Philosophy of Frontier Problems of Science, 1970, no. 3, pp. 184–200. (In Russian.)
13. Grigoryev G. S. *Trud — pervaya chelovecheskaya potrebnost': dialektika processa truda* [Labour — the first human need: The dialectics of the labour process]. Perm: Perm Book Publishers, 1965. 160 p. (In Russian.)
14. Gritsenko V. S. *Trud v postindustrial'nom obshchestve: monografiya* [Labour in a post-industrial society: a monograph]. Perm: Publishing house PNIPU, 2013. 210 p. (In Russian.)
15. Kedrov B. M. "Eshche raz o nedorazumeniyah, vznikayushchih pri nepravil'noj traktovke otricaniya otricaniya" [Once Again on the Misunderstandings that arise in the misinterpretation of negation negation], in: *Dialektika otricaniya otricaniya* [The Dialectic of Negation Negation]. Moscow: Politizdat, 1983. Pp. 240–261. (In Russian.)
16. Koblov A. N. *Dialektiko-materialisticheskaya koncepciya razvitiya i sovremennaya fizika* [The dialectical-materialistic concept of development and modern physics]. Irkutsk: publishing house of Irkutsk State University, 1987. 206 p. (In Russian.)
17. Koblov A. N. *O statute i nekotoryh perspektivah razvitiya biofiziki* [About the Status and Some Prospects of Biophysics Development]. Philosophy of Boundary Problems of Science, 1972, Vol. 5, pp. 34–55. (In Russian.)
18. Koblov A. N. *Paradoks razvitiya i marksistskaya koncepciya urovnej* [The Paradox of Development and the Marxist Conception of Levels]. The Philosophy of Frontier Problems of Science, 1968, Vol. 2, pp. 5–20. (In Russian.)
19. Koblov A. N. *Sootnosheniye fizicheskoy i biologicheskoy form materii v molekulyarno-kineticheskom aspekte* [Ratio of Physical and Biological Forms of Matter in Molecular Kinetic Aspect]. Philosophy of Frontier Problems of Science, 1970, no. 3, pp. 141–159. (In Russian.)
20. Koryakin V. V. *Trud i edinyj zakonmernyj istoricheskij process: monografiya* [Labor and the Uniform Regular Historical Process: Monograph]. Part 1. Perm: Perm. State University, 2008. 418 p. (In Russian.)
21. Krasnov G. S., Orlov V. V. *Biologiya i social'nyj progress* [Biology and Social Progress]. Philosophy of Frontier Problems of Science, 1972, no. 5, pp. 115–152. (In Russian.)
22. Losev A. F. "Tipy otricaniya" [Types of negation], in: *Dialektika otricaniya otricaniya* [The dialectic of negation negation]. Moscow: Political Publishing, 1983. Pp. 149–170. (In Russian.)
23. Maslyanka Y. V. *Smysl i «bessmyslennoe vremya». Problema smysla zhizni v sovremennoj filosofii: monografiya* [Meaning and "meaningless time". The Problem of the Meaning of Life in Modern Philosophy: A Monograph]. Perm: Perm State University, 2009. 215 p. (In Russian.)

24. Matveev M. N. *Analiz razvitiya: dejstvitel'nye trudnosti i mnimye paradoksy* [Analysis of Development: Real Difficulties and Imaginary Paradoxes]. Philosophical Sciences, 1973, no. 4, pp. 61–69. (In Russian.)
25. Melyukhin S. T. *Problemy filosofskoj teorii materii* [The Problems of Philosophical Theory of Matter]. Philosophical Sciences, 1974, no. 5, pp. 57–67. (In Russian.)
26. Musaelyan L. A. “Akkumulyaciya sodержaniya kak zakonomernost' razvitiya materii” [The Accumulation of Contents as a Law of Matter Development], in: *Razvitie materii kak zakonomernyj process. Mezhhuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [The Development of Matter as a Natural Process. Interuniversity collection of scientific works]. Perm: Perm Univ., 1978. Pp. 106–115. (In Russian.)
27. Musaelyan L. A. *Nauchnaya teoriya istoricheskogo processa: stanovlenie i sushchnost'* [Scientific Theory of Historical Process: Formation and Essence]. Perm: Publishing House of Perm State University, 2011. 440 p. (In Russian.)
28. Musaelyan L. A. *Pamyati uchenogo* [In Memory of the Scientist]. New Ideas in Philosophy, 2020, no. 7 (28), pp. 4–11. (In Russian.)
29. Netzetsev V. A., Orlov V. V. *Differenciaciya i integraciya v razvitii zhivyh organizmov* [Differentiation and integration in the development of living organisms]. Uchenye zapiski Permskogo gos. uniuta, no. 152. Philosophy. Perm, 1966. Pp. 3–27. (In Russian.)
30. Netzetsev V. A. *Koncepciya urovnej i problema organizacii zhivogo* [The Concept of Levels and the Problem of Living Organization]. Philosophy of Boundary Problems of Science, 1967, Vol. 1, pp. 105–135. (In Russian.)
31. Okonskaya N. B. “K ponyatiyu social'no-biologicheskoy formacii” [The Notion of Socio-Biological Formation], in: *Biologiya cheloveka i social'nyj progress. Mezhhuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Human Biology and Social Progress. Interuniversity collection of scientific works]. Perm: Perm University, 1982. Pp. 30–40. (In Russian.)
32. Okonskaya N. B. *Dialektika social'nogo i biologicheskogo v istoricheskom processe* [Dialectics of Social and Biological in Historical Process]. Perm: Publishing House of Perm State University, 1975. 199 p. (In Russian.)
33. Okonskaya N. B. *O sushchnosti i osobennostyah kommunisticheskogo vospitaniya* [On the essence and peculiarities of communist upbringing]. Uchenye zapiski Perm State University, no. 124. Philosophy. Perm, 1964. Pp. 3–10. (In Russian.)
34. Orlov V. V. “Materializm kak metod poznaniya i prakticheskoy deyatel'nosti” [Materialism as a method of knowledge and practical activity], in: *Voprosy teorii poznaniya. Sbornik statej* [Problems of the theory of knowledge. A collection of articles]. Perm: Perm Book Publishers, 1961. Pp. 3–22. (In Russian.)
35. Orlov V. V. “O vseobshchem haraktere zakona otricaniya otricaniya” [On the general nature of the law of negation of negation], in: *Dialektika otricaniya otricaniya* [The dialectic of negation of negation]. Moscow: Politizdat, 1983. Pp. 99–112. (In Russian.)
36. Orlov V. V. “Osobennosti sovremennogo materializma” [Features of modern materialism], in: *Sovremennyj materializm: osobennosti, problemy, tendencii. Mezhhuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Modern materialism: Features, problems, trends. Interuniversity collection of scientific works]. Perm: Perm University, 1985. Pp. 4–25. (In Russian.)

37. Orlov V. V. “Sootnoshenie psichicheskogo i fiziologicheskogo” [Correlation of the mental and physiological], in: *Filosofskie voprosy fiziologii vysshej nervnoj deyatel'nosti i psihologii: Materialy soveshchaniya* [Philosophical aspects of physiology of higher nervous activity and psychology: Materials of the meeting], ed. by acad. P. N. Fedoseyev et al. Moscow: Acad. of Sciences of the USSR, 1963. Pp. 646–650. (In Russian.)

38. Orlov V. V. “V zashchitu koncepcii razvitiya kak voskhozhdeniya ot nizshego v vysshemu” [In Defense of the Concept of Development as Ascending from Low to High], in: *Diialektika otricaniya otricaniya* [The Dialectic of Negation of Negation]. Moscow: Politizdat, 1983. Pp. 202–226. (In Russian.)

39. Orlov V. V. *Dialekticheskiy materializm i psihofiziologicheskaya problema* [Dialectical Materialism and the Psychophysiological Problem]. Perm: Perm Book Publishers, 1960. 208 p. (In Russian.)

40. Orlov V. V. *Evristicheskij potencial sovremennoj nauchnoj filosofii* [Heuristic Potential of Modern Scientific Philosophy]. *New Ideas in Philosophy*, 2002, no. 11, pp. 5–22. (In Russian.)

41. Orlov V. V. *Filosofiya i ekonomika: ramochnaya filosofskaya koncepciya sovremennoj trudovoj teorii stoimosti* [Philosophy and Economics: The Framework Philosophical Conception of the Modern Labor Theory of Value]. *New Ideas in Philosophy*. In: *New Ideas in Philosophy*, 2003, no. 12, pp. 5–25. (In Russian.)

42. Orlov V. V. *Filosofskij manifest: nakanune dvadcat' pervogo veka* [Philosophical Manifesto: On the Eve of the Twenty First Century]. *New Ideas in Philosophy*, 1998, no. 7, pp. 4–14. (In Russian.)

43. Orlov V. V. *Istoriya chelovecheskogo intellekta. CH. 1, 2. Predystoriya — mif — religiya — Prosveshchenie — Kant — Gegel' — Sovremenniy intellekt. Izbrannye trudy* [History of Human Intellect. Ч. 1, 2. Prehistory — myth — religion — Enlightenment — Kant — Hegel — Modern Intellect. Selected works]. Perm: PSU, 2002. 363 p. (In Russian.)

44. Orlov V. V. *K voprosu o filosofskom ponyatii materii* [On the Philosophical Concept of Matter]. *Philosophical Sciences*, 1970, no. 4, pp. 123–132. (In Russian.)

45. Orlov V. V. *Kakoj dolzhna stat' teoriya razvitiya? (K konkretno-vseobshchej teorii razvitiya)* [What Should the Theory of Development Become? (To a Concrete-All-inclusive Theory of Development)]. *Philosophical Sciences*, 1987, no. 12, pp. 31–41. (In Russian.)

46. Orlov V. V. *Materiya, razvitie, chelovek* [Matter, development, man]. Perm: Publishing house of Perm State University, 1974. 397 p. (In Russian.)

47. Orlov V. V. *O logike sootnosheniya vysshih i nizshih stupeney razvitiya materii (koncepciya «urovnej»)* [On the logic of correlation of higher and lower stages of math development (the conception of "levels")]. *Philosophy of boundary problems of science*. In: *Philosophy of Frontier Problems of Science*, 1967, no. 1, pp. 5–83. (In Russian.)

48. Orlov V. V. *O nekotoryh voprosah teorii materii, razvitiya, soznaniya* [On Some Issues of the Theory of Matter, Development, and Consciousness]. *Philosophical Sciences*, 1974, no. 5, pp. 47–56. (In Russian.)

49. Orlov V. V. *O poznavatel'noj roli oshchushchenij* [On the cognitive role of sensations]. *Philosophical Sciences*, 1964, no. 3, pp. 129–138. (In Russian.)

50. Orlov V. V. *Osnovnye napravleniya nauchnoj raboty kafedry filosofii v 60–90-e gg.* [Main Directions of Scientific Work of Philosophy Department in 60–90-th years]. *Vestnik of Perm*

University. Vestnik (Herald) of Perm University. No. 3. Philosophy. Perm, 1995. Pp. 3–23. (In Russian.)

51. Orlov V. V. *Osnovy filosofii: ucheb. posobie. CH. 1: Dialekticheskiy materializm* [Fundamentals of Philosophy: Textbook. Ч. 1: Dialectical Materialism]. Perm, 1991. 448 p. (In Russian.)

52. Orlov V. V. *Osobennosti chuvstvennogo poznaniya* [Features of the sensual cognition]. Perm: Perm Book Publishing House, 1962. 220 p. (In Russian.)

53. Orlov V. V. *Ot Marksa k Ojzermanu* [From Marx to Oizerman]. Philosophy and society, 2004, no. 2, p. 55. (In Russian.)

54. Orlov V. V. *Paradoks tenevoj sistemy* [The paradox of shady system]. Philosophy of frontier problems of science, 1970, Vol. 4, pp. 20–29. (In Russian.)

55. Orlov V. V. *Permskoj universitetskoj shkole nauchnoj filosofii — 50 let* [The Perm university school of scientific philosophy — 50 years]. New ideas in philosophy. In: Output, 2010, Vol. 1, no. 19, pp. 5–24. (In Russian.)

56. Orlov V. V. *Pogranichnye nauki i marksistskaya koncepciya urovnej* [Boundary Sciences and Marxist Concept of Levels]. Philosophical Sciences, 1969, no. 4, pp. 59–68. (In Russian.)

57. Orlov V. V. *Predmet, struktura i problemy filosofskoj teorii pogranichnyh nauk* [Subject, Structure and Problems of Philosophical Theory of Frontier Sciences]. Philosophy of Frontier Problems of Science, 1972, no. 5, pp. 7–16. (In Russian.)

58. Orlov V. V. *Problema budushchego chelovecheskoj civilizacii (tovarnoe proizvodstvo, kapitalizm, socializm)* [The problem of the future of human civilization (commodity production, capitalism, socialism)]. New Ideas in Philosophy, 1999, no. 8, pp. 4–23. (In Russian.)

59. Orlov V. V. *Problema sistemy kategorij filosofii: monografiya / V. V. Orlov* [Problem of Philosophy Category System: Monograph / V. V. Orlov]. Perm State National Research University. Perm, 2012. 262 p. (In Russian.)

60. Orlov V. V. *Psihofiziologicheskaya problema: filosofskij ocherk* [Psychophysiological Problem: Philosophical Essay]. Perm: Perm State University Publisher, 1966. 438 p. (In Russian.)

61. Orlov V. V. *Social'naya biologiya. Predmet, status, problemy* [Social Biology. Subject, Status, Problems]. The Philosophy of Frontier Problems of Science, 1975, no. 7, pp. 4–26. (In Russian.)

62. Orlov V. V. *XXI vek i problema nauchnosti filosofii* [The 21st century and the problem of scientific philosophy]. Vestnik of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, 2010, no. 1 (1), pp. 4–13. (In Russian.)

63. Orlov V. V., Krasnov G. S. *O prirode chelovecheskoj biologii* [On the Nature of Human Biology]. Philosophy of Frontier Problems of Science, 1970, no. 3, pp. 160–183. (In Russian.)

64. Orlov V. V., Vasilyeva T. S. *Filosofiya ekonomiki: monografiya. — 3-e izd., ispr. i dop.* [Philosophy of Economics: Monograph. — 3rd ed. amended and supplemented]. Perm: Perm State Pedagogical University, 2013. 268 p. (In Russian.)

65. Orlov V. V., Vasilyeva T. S. *Trud i socializm* [Labour and Socialism]. Perm: Perm State University, 1991. 204 p. (In Russian.)

66. Pavlov T. *Teoriya otrazheniya. Osnovnye voprosy teorii poznaniya dialekticheskogo materializma* [Theory of Reflection. Basic Issues of Dialectical Materialism's Theory of Cognition],

trans. from Bulgaria by F. I. Georgiev and A. I. Rubin. Moscow: foreign literature publishing house, 1949. 522 p. (In Russian.)

67. *Permskij gosudarstvennyj universitet imeni A. M. Gor'kogo: istoricheskij ocherk (1916–1966)* [Perm State University named after A. M. Gorky: Historical Sketch (1916–1966)]. Perm: Perm Book Publishers, 1966. 294 p. (In Russian.)

68. *Permskij universitet* [Perm University], 1964, no. 41 (466), 2 p. (In Russian.)

69. Popov V. G. *Filosofsko-sociologicheskij fakul'tet: genesis, razvitie, tradicii* [Philosophy and Sociology Faculty: Genesis, Development, Traditions]. Perm: Perm. Univ., 2008. 66 p. (In Russian.)

70. *Professora Permskogo gosudarstvennogo universiteta* [Professors of Perm State University]. Perm: Publishing house of Perm State University, 2001. 280 p. (In Russian.)

71. Svidersky V. I. *Protivorechivost' dvizheniya i ee proyavleniya* [Contradictory motion and its manifestations]. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, 1959. 142 p. (In Russian.)

72. *Trudy uchenyh Permskogo universiteta (1916–2015 gg.). Filosofsko-sociologicheskij fakul'tet [Elektronnyj resurs]: bibliogr. ukazatel'* [Proceedings of the researchers of Perm University (1916–2015). Philosophy and Sociology Faculty [Electronic resource]: bibliography], comp. by E. S. Ignatova, I. K. Trubina. Perm: Perm State Pedagogical University, 2016. 252 p. (In Russian.)

73. Tyukhtin V. C. *K sootnosheniyu obraza, znaka i struktury* [To the Correlation of Image, Sign and Structure]. Philosophical Sciences, 1974, no. 5, pp. 68–73. (In Russian.)

74. Vasilieva T. S. “O napravlenosti razvitiya himicheskoy formy materii” [About direction of development of chemical form of matter], in: *Razvitie materii kak zakonomernyj process. Mezhevuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Evolution of matter as a logical process. The Interuniversity collection of scientific works]. Perm: Perm University, 1978. Pp. 66–78. (In Russian.)

75. Vasilyeva T. S. “Sovremennyy materializm i koncepciya edinogo zakonomernogo mirovogo processa” [Modern materialism and the concept of a single regular world process], in: *Sovremennyy materializm: osobennosti, problemy, tendencii. Mezhevuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Modern materialism: Features, problems, tendencies. The Interuniversity collection of scientific works]. Perm: Perm State University, 1985. Pp. 40–51. (In Russian.)

76. Vasilyeva T. S. *Himicheskaya forma materii i zakonomernyj mirovoj process* [Chemical Form of Matter and Regular World Process]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1984. 136 p. (In Russian.)

77. Vasilyeva T. S., Orlov V. V. *Problema sootnosheniya biologicheskogo i social'nogo: Uchebnoe posobie* [The problem of correlation of biological and social: Textbook]. Perm: Perm University, 1996. 96 p. (In Russian.)

78. Vnutskikh A. Ju. *Otbor v prirode i otbor v obshchestve: opyt konkretno-vseobshchej teorii* [Selection in nature and selection in society: the experience of concrete-general theory]. Perm: Perm State University Press, 2006. 335 p. (In Russian.)

Archive documents

1. Orlov V. V. *Osobennosti chuvstvennogo poznaniya [Tekst]: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filos. nauk / LGU* [Peculiarities of Sensual Perception: Ph.D. in Philosophy / Leningrad State University]. Leningrad, 1958. P. 13 // GAPK. F. p–2315. Op. 1. Д. 18. (In Russian.)

2. *Kopiya pochetnoj gramoty Orlovu V. V. za rabotu «Ob otrazhenii kak svojstve materii» (1953-1954)* [A copy of diploma to V. V. Orlov for his work "About reflection as a property of matter" (1953–1954)] // GAPK. F. p. 2315. Op. 1. Д. 56. Л. 2. (In Russian.)
3. *Kopiya udostovereniya lektora lekcionnogo byuro Novgorodskogo oblastnogo upravleniya kul'tury (1955)* [Copy of the certificate of the lecturer of Novgorod Regional Department of Culture (1955)] // GAPK. P. 2315. Opt. 1. Д. 55. Л. 3. (In Russian.)
4. *Avtobiografiya V. V. Orlova. Pechatnyj ekzempljar* [Autobiography by V. V. Orlov. Printed copy] // GAPK. P. 2315. Op. 1. Д. 52. Л. 1. (In Russian.)
5. Orlov V. V. *Mozg i psihika. Psihofiziologicheskaya problema i ee sovremennoe reshenie [Tekst]: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d-ra. filos. nauk / LGU* [Brain and psyche. Psychophysiological problem and its contemporary solution [Text]: Ph.D. in Philosophy / Leningrad State University]. Leningrad, 1965. 36 p. // Archives of the Philosophy Department of PSNIU. (In Russian.)
6. Orlov V. V. *Mozg i psihika. Psihofiziologicheskaya problema i ee sovremennoe reshenie [Tekst]: dissertaciya na soisk. uchen. step. d-ra filos. nauk / LGU* [Brain and Psyche. A Psychophysiological Problem and its Contemporary Solution [Text]: Dissertation for Doctor's Degree in Philosophy / Leningrad State University]. Leningrad, 1965. 725 p. // GAPK. P. 2315. Op. 1. Д. 4–5. (In Russian.)
7. *Kopiya attestata professora po kafedre filosofii (23 iyulya 1967 g.)* [A copy of the certificate of professorship in the Department of Philosophy (July 23, 1967)] // GAPK. F. p-2315. Op. 1. Д. 58. Л. 3. (In Russian.)
8. Grigoryev G. C. *Kafedra filosofii (1950–1976) [Mashinopisnyj tekst]* [Department of Philosophy (1950–1976) [Typewritten text]]. Perm, 1976. 23 p. + 2 photogr. // Archives of the Department of Philosophy, Perm State University. (In Russian.)
9. Koblov A. N. *O sootnoshenii fizicheskoy i biologicheskoy form materii [Mashinopisnyj tekst]: dissertaciya na soisk. uchen. step. kand. filos. nauk / PGU* [On the Correlation of Physical and Biological Forms of Matter [typewritten text]: dissertation for the degree of Candidate of Philosophy / Perm State University]. Perm, 1970. 228 p. // Archives of the Philosophy Department of Perm State University. (In Russian.)

Interviews

1. *Filosofiya zhizni: interv'yu V. V. Orlova korrespondentu radiostancii «Ekho Permi» (9 dekabrya 2012 g.)* [Philosophy of Life: Interview of V. V. Orlov to the radio station "Echo Perm" (December 9, 2012)], 2012. URL: [<http://www.echoperm.ru/themes/16/341/92758/>], accessed on 12.08.2021]. (In Russian.)
2. *Desyat' zapovedej mastera dialektiki Vladimira Orlova* [Ten Commandments of the Master of Dialectics Vladimir Orlov]. Perm Tribune, 2015, no. 46 (161), p. 10. (In Russian.)

PERM UNIVERSITY SCHOOL OF SCIENTIFIC PHILOSOPHY

(brief review)

German Preobrazhensky,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department,
Tyumen State University,
23 Lenina str., Tyumen, Russia, 625003;
e1525@mail.ru

Kirill Prozumentik,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department,
Perm State National Research University,
15 Bukireva str., Perm, Russia, 614068;
kprozumentik@mail.ru

Abstract: This article provides a general characteristic and a coherent description of the Perm philosophical school. The activity of "Perm school of scientific philosophy" is considered stage by stage in its development. The relationship and place of the school in the system of Soviet Marxism are described: its peculiarities, tasks, and most prominent representatives. The unique conceptual language of the Perm philosophical school is presented. The work of the school is described on the basis of the non-colonial research approach. An attempt is made to reveal the unique features of Perm philosophical school and to fix its place on the philosophical map of the modern Russian thought. The aim of the article is to demonstrate a self-valuable experience of describing a regional philosophical school, without reducing this experience to general circumstances or unified evaluation scales. The method of personal or biographical description is chosen to reconstruct the activities and history of the school. The formation of the school and its main stages are presented through the views of its leader.

Keywords: Marxism, Soviet Philosophy, Materialism, Perm Philosophical School, Orlov Vladimir, Regional Philosophy, Russian Philosophy, Scientific Philosophy, Historical and Dialectical Materialism, Realistic Philosophy.